

Михаил Буков

День ликвидатора

16+

Михаил Буков
День ликвидатора

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Буков М. М.

День ликвидатора / М. М. Буков — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Книга памяти, живой город Припять. Авария на ЧАЭС 1986 года. Эвакуация, возвращение, работа на ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. События, люди, их судьбы и трагедии. Природа, экология, последствия аварии. Краткая история древнего города Чернобыль, эзотерика, предсказания евангелистов, взгляд в будущее... и так более 30 лет в Чернобыле. Рассказ одного молодого человека о своем жизненном пути. Его судьба, в поисках лучшего, переносит в г. Припять, на строительство Чернобыльской АЭС. В 1986 году, живя в Припяти, имеет дом семью, детей - попадает в ситуацию глобальной аварии. Все распадается: жизнь, надежды на будущее. Авария, эвакуация, работа на аварии в УС ЧАЭС, СП «Комплекс», ПО «Спецатом» (робототехника, телевидение, дозиметрия, работы на крыше и территории ЧАЭС), «ГАТЦ» (аварийный центр) - дозиметрия, спектрометрия. По 2020 год работает в Чернобыле. Всего 60 рассказов – диалогов, упоминается 370 человек -моих коллег, 95 фото из личных архивов и предоставленных друзьями.

© Буков М. М., 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Содержание

Глава первая	7
Виражи судьбы	9
Глава вторая	19
Катастрофа	21
Ночь, когда протрубил третий ангел	23
Эвакуация	27
Последствия чернобыльской катастрофы для Белоруссии	29
Глава третья	30
Город-сиротка	36
Шахтеры на ЧАЭС в 1986 году	57
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Михаил Буков

День ликвидатора

От редактора

Нелегко описывать Чернобыльскую трагедию, произошедшую более тридцати лет назад и перечеркнувшую судьбы сотен тысяч людей, у многих отнявшую жизнь, здоровье, будущее, превратившую значительную часть территории прекрасного украинского и белорусского Полесья в место скорби и печали, во вселенское скопище радиоактивных отходов.

Город Припять был городом молодых людей. У них было все – молодость, здоровье, любовь и весна. Работа, надежда на спокойную, стабильную жизнь и будущее процветание. Несколько минут ночи, той апрельской ночи 1986 года, отняли все. Как осознать и принять такую потерю? На этот вопрос ответа нет. Но посланное Богом испытание продолжается, и кажется, что для припятчан оно не закончится никогда.

Невозможно даже представить себе отчаяние людей, в один миг потерявших все. Кажется, все на месте – город, дом, двор, имущество. Немыслимой красоты природа – лес, река Припять. Семья – все живы, солнце, весенний ветер, друзья – но это уже из другой жизни, которой больше нет. Впереди неизвестность, рядом – грозный, убивающий все живое невидимый враг – радиация. Как спастись? Ответа нет.

Чернобыльская беда универсальна. Она распростерла черные крылья над всей тогда огромной страной, вырвав людей из привычного для них бытия, покорежив их судьбы, предопределив жизнь на многие годы вперед и разбросав по всему миру. Вряд ли тогда было место на территории Советского Союза, которое обошла бы Чернобыльская катастрофа.

Автор этой книги – один из тысяч припятчан, на долю которого выпали самые тяжелые чернобыльские испытания. В апреле 1986 года он был молод и полон сил, стоял в начале пути, казавшимся ему светлым и счастливым. Судьба ударила его так же, как и остальных, отобрала достигнутое, заставила переоценить приоритеты и начать борьбу за жизнь заново.

Он выстоял и помнит, как все было, а самое главное – помнит тех, впоследствии разбросанных по огромной стране, кто тогда был рядом. Он боится потерять эту память и хочет запечатлеть ТУ ЖИЗНЬ навсегда. Для грядущих поколений, для своего внука или для истории – не имеет значения.

Он надеется, что люди, шедшие в испытаниях с ним рядом, прочитают написанные им страницы и тоже вспомнят. И поверят, что брошенные бесшабашно на алтарь человечества их молодость и здоровье не были напрасной жертвой – они заложили фундамент стабильности.

Он по крохам собирал свидетельства оставшихся в живых соратников и решился записать то, что помнит сам, и то, что вспомнили они. К огромному сожалению, они уходят и уходят, и сколько уже потеряно, а он хочет, чтобы они остались навсегда в его книге. В ней воспоминания об их общей жизни, общей молодости и общем деле, которому они беззаветно служили в немыслимых условиях.

Он мечтает, чтобы его внук когда-то прочитал эту книгу и оценил подвиг ликвидаторов, то есть его и его друзей, и учился на их примере жить.

Он хочет, чтобы их помнили, и его труд, его усилия для реализации этого желания вызывают огромное уважение.

Будем помнить с благодарностью!

*Моим друзьям и коллегам, ликвидаторам
последствий аварии на ЧАЭС 1986 года,
погибшим в этой неравной схватке*

*с невидимым врагом, и ныне живущим –
посвящается.*

Глава первая

Начало

Задумал я это повествование, наверное, как книгу памяти – более пятнадцати лет назад. Не писал раньше? Не было времени остановиться, оглянуться назад и подумать: жизнь – «суета сует». В 2003 году напечатали мой первый очерк в газете "Вісник Чорнобиля", как обычно, в канун даты 26 апреля, продолжение не взяли. Вот так все годы: о нас, ликвидаторах, вспоминают накануне, а на утро забывают. А потом, на временном расстоянии, многое видится по-другому – более цельно и объемно. Угол обзора больше. Написал о тех событиях, что происходили со мной, в моем коллективе. Вначале УС ЧАЭС – 1986 год, затем СП "Комплекс" – 1987 год, потом ПО "Спецатом" – 1988 год, ГАТЦ, "Чернобыльсервис" – 1999 год, ГСП "Чернобыльский спецкомбинат" – 2012 год по настоящее время. Но ведь в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС принимали участие тысячи людей, были привлечены сотни организаций большой страны. Работники ЧАЭС, все строительные организации УС ЧАЭС, пожарные расчеты всей Киевской области, химические войска, вертолетные подразделения, мобилизованы тысячи "партизан", призванных военкоматами из запаса. Задействовано огромное количество техники: автокраны и краны большой грузоподъемности "ДЕМАГ", бронетранспортеры, танки, ИМРы, бульдозеры, вертолеты, робототехнические средства, бетоновозы – Камаз и Татра, бетононасосы. Спецмашины: КраЗы и ЛАЗы (освинцованные).

Еще в 1991 году в Чернобыльской зоне работало множество предприятий: НПО "Припять" (в него входило двадцать подразделений, в том числе СП "Комплекс", ПТ и ЭС, ЖКУ, ОРС, связь, УДК, УАТиМ, УВД), медицинское учреждение – ЦМСЧ-126, двадцать пять спецподразделений, десять КПП, сорок диспетчерских служб. Комплексная экспедиция при Институте атомной энергии им. Курчатова, тринадцать отделений НИИ Союза и Украины, ПО "Спецатом" (входило 32 службы), 145 автомобилей различных министерств было оборудовано системой радиосвязи "Алтай". Работали: Дом культуры, сберкасса, кинотеатр, столовые, аптека, авиационные и железнодорожные кассы. В 90-х годах начали открываться продовольственные магазины и кафе.

Вначале я просто шутил, что выйду на пенсию и напишу обо всем и обо всех. Я не владею полной статистикой, сколько и каких организаций всего было задействовано на ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в 1986 и последующих годах, сколько привлечено людей – их было тысячи и тысячи. Поэтому пишу только о том, в чем уверен и знаю наверняка.

Для меня новое тысячелетие началось трагично, долго было не до литературы, пошла «черная полоса»: умер мой младший сын Евгений в 19 лет. Похоронил родителей – маму и папу. Прошло уже двадцать лет, я пенсионер, но продолжаю работать в Чернобыле. Начал писать о себе, о том, что я делал на ЛПА, как все это видел, что видел, чем мы жили. Но вдруг понял, что вокруг меня столько людей, событий, судеб. Я не один в этом большом мире. Мне представился образ – дерево. Вся моя жизнь – ствол его, а ветви и разветвления, отходящие от него – это мои дела и поступки, это встречи с другими людьми, участие в их жизни, моя семья, мои дети, родственники и друзья. Но все равно – это я и вся моя жизнь. Я стал включать во временной последовательности рассказы своих товарищей, участников тех событий, их жизненные зигзаги, личные трагедии, разочарования. Мои психологические размышления о людях, их жизни и судьбе. Бог дает испытания человеку по его силам, и не более того. Если я ступил, на путь сей – значит, это мой путь, я так думаю.

Прожив в Украине уже более тридцати лет, общаясь с людьми и участвуя в их жизни, я стал одним из них. Я узнал и начал понимать кое-что из истории и литературы Украины, полюбил народное творчество, культуру, украинские песни, украинскую кухню и особенно украинских красавиц – женщин.

Если хочешь о чем-то рассказать – начни сначала. Так я и поступлю.

Вирази судьбы

Для меня взрослая жизнь "не мальчика, но мужа" началась осенью 1981 года. Тогда, я уехал из своего родного города Болохово, Тульской области, в Украину, на строительство Запорожской атомной электростанции. Это сейчас, то есть после 1991 года, появились независимые государства, а тогда это была одна большая, сильная держава – СССР. Я не космополит, поэтому не считал, что покидаю Родину – для меня она была всегда велика и необъятна: от Прибалтики и Молдавии, Российской Федерации и Средней Азии – до просторов Сибири, Камчатки и Сахалина – это все моя Родина. Уехал я в компании с несколькими моими "земляками", такими же романтиками и искателями "лучшей жизни". Да, романтиками – это слово в те годы еще не было ругательным, не было поголовной гонки за прибылью, была надежда и опора на сильное и стабильное государство. О романтиках писали и пели песни Окуджава и Визбор. Нет, мы не искали легких денег, у меня за плечами было Тульское железнодорожное училище, работа на железной дороге. Армия – учебная бригада, узел связи, после – работа в КИПиА – все это было связано с электроникой и связью. Я уже был женат, у меня родился сын, мой первенец Дима. Все как у всех, но, наверное, было какое-то томление духа, которое не давало мне покоя. Хотелось чего-то большего в этой жизни – совершить поступок. Своего жилья я еще не заработал, но в нашем городишке таких проблем не было. Каждое предприятие строило свои дома. Мне было уже 24 (это я тогда так думал – "уже", теперь сказал бы – "всего-то").

И вот я на строительстве Запорожской АЭС – комсомольская ударная стройка, и я – из российской глубинки – фантастика. Молодые, красивые, голова на месте, профессия "электронная". "Итак, она звалась Татьяна" – жена и сын пока у родителей, "но кровь бурлит и бьет ключом, тоска-печаль нам нипочем". Энергодар – город молодежный, жили в общежитии. Работал все выходные, копил отгулы, чтобы навещать семью. Сам удивляюсь, как все успевал: работал, занимался творчеством, еще и учился. Все библиотеки исходил, радиотехническая литература в то время – большой дефицит. Был занят в драмколлективе, читал стихи на сцене, вел творческие вечера во дворце культуры "Современник". В общем, молодой, азартный. Работал я в управлении строительства Запорожской АЭС. Работа была интересной, творческой и большой ответственности: «варили» мы гермозону реактора, для укрупненной сборки, первого блока Запорожской АЭС. Я был бригадиром и наладчиком сварочной бригады автоматической сварки под слоем флюса.

10 окт 9 бр 9 1982 г

- ГЕРОИ ЖИЗНИ - ГЕРОИ КНИГ
- ПЕСНИ, КОТОРЫЕ ЛЮБИМ
- ПРИГЛАШЕНИЕ К КИНОЭКРАНУ

Жителям Энергодара полюлись выступления агитколлектива «Прометей» Дворца культуры Запорожской ГЭС. Сочинитель

*Я здесь крайний слева во втором ряду. Газета "Труд",
выпуск 10 октября 1982 года*

Наверное, мы хорошо работали, поэтому на моем "стенде" (это такая сварочная установка, где мы сваривали двухметровые листы металла, восьмимиллиметровой толщины, в "карты" размером 30 на 12 метров) побывал сам академик Александров А.П. Впервые собирались такие сборки для укрупненного монтажа герметичной зоны реактора ВВР. Все швы проходили тройную дефектоскопию: мело – керосин, рентген и ультразвук. После этого я ставил свое клеймо. Проводили эксперименты по новым методам сварки с учеными Института им. Патона. Премии, награды, фото в газету – все это было, но мы же не роботы – нам подавай живое, человеческое. Молодость, как, оказалось, имеет свойство проходить, а любимая жена, дети – им нужна любовь и забота. Несколько раз ко мне приезжала посмотреть на Энергодар моя жена Татьяна. Город красивый, молодой, с бульваром роз и фонтанами, но оказался для нас очень жарким, то есть южным (мы же из средней полосы родом), малосемеек не давали, до квартиры было далеко.

Припять

Не буду вдаваться в подробности, но осенью 1983 года по приглашению начальника управления строительством Чернобыльской АЭС Кизимы В.Т. я и еще шесть специалистов разных профессий переезжаем в славный город Припять Киевской области. Расстояние до Киева – 165 км. Сама Чернобыльская атомная электростанция расположена в двух километрах от города энергетиков, а названа по имени районного центра – древнего города Чернобыль, который находится от нее в 18 километрах. Строился уже четвертый энергоблок на 1000 Мвт.

Началом строительства ЧАЭС официально значится май 1970 года. Первый блок был запущен в эксплуатацию 14 декабря 1977 года. Я думаю, что при проектировании и строительстве АЭС никто не изучал истории Полесского края, и тем более, не читал библейских пророчеств (эпоха атеизма), а напрасно... Одновременно началось строительство города. Вначале строители жили в поселке "Лесной", в домах барачного типа. Строился первый микрорайон: автовокзал, несколько общежитий, столовая, химчистка, медгородок МСЧ-126, магазин, первая школа и детские садики. Город продолжал расти: второй, третий микрорайоны, центр и дальше. К 1983 году уже строился четвертый и пятый микрорайоны.

А пока я жил в общежитии № 20 по ул. Спортивной. Через три месяца получил малосемейное общежитие там же, рядом, в доме № 9 по ул. Набережной, недалеко пристань и детское кафе "Припять", над рекой. В новом девятиэтажном доме – однокомнатная квартира, как говорится, все идет, как написано. Контракт – малосемейка, через год – квартира. Нашей задачей было ввести в эксплуатацию комбинат специальных строительных конструкций (КССК), нас было семь спецов: я – наладчик автоматических линий, токарь, электрики, слесаря и директор, благодаря которому мы все здесь оказались. Наш директор, Нагайцев А.М., оказался порядочным и очень дотошным человеком. Начали с удобств, нужных каждому: вода, сантехника. А мы начали с подключения электрики, токарных станков, наладили – запустили, начали изготавливать комплектующие и запасные части для оборудования. Подключили и наладили краны в цехах. Настроили многоточечные сварочные станки (шестнадцати – и тридцатидвухточечные), индукционные печи, запустили большую компрессорную. Набирали штат, начали выпуск продукции – нестандартные изделия из металла и бетона для АЭС. Запускали полигон: козловые краны и пропарочные камеры. Я съездил в командировку в Ленинград – на завод, где выпускали блоки контроля циклов сварки, для станков точечной сварки. Туда ехали на грузовом Камазе трое суток, через полстраны, а назад я прилетел на большом самолете ИЛ-86 – приключение. Работал я в лаборатории, наладчиком автоматических линий. Окончил Одесский

техникум измерений (Госстандарта СССР), метролог – радиотехнические измерения. В апреле 1984 года был запущен в эксплуатацию 4-й энергоблок ЧАЭС.

Город Припять продолжал строиться, было уже пять микрорайонов. На ЧАЭС работало 4 блока, возводилась третья очередь: два блока – 5-й и 6-й и две огромные бетонные бочки – градирни (для охлаждения воды). Через год мои товарищи получили квартиры, у них уже было по двое детей. Прошел еще год, в сентябре 1985 года у меня родился второй сын – Женя. В этом же месяце мы получили трехкомнатную квартиру в доме 40 по проспекту Строителей. Рядом старое русло, а в двустах метрах – ходовая реки Припять. Старший сын готовился пойти в школу, рядом построили новую, № 5. Мои родители помогли в приобретении мебели, мы понемногу обустроились. Снабжение продуктами (что было немаловажным в то время) – на уровне столицы, мебель и электротовары – все это можно было купить в магазинах. Я собирался перейти на работу на ЧАЭС, в метрологию, уже созвонился с их начальником. Это уже другой уровень, и материальный, и моральный. Живи и радуйся. Железнодорожное сообщение очень удобное, станция "Янов", в одну сторону – Чернигов и Москва, в другую Овруч и Белоруссия. Места прекрасные, рядом лес – грибы и ягоды, река Припять – отличная рыбалка и пристань для катеров на подводных крыльях, а это – сообщение с Киевом и белорусским Мозырем.

ПРИПЯТЬ до 26.04.1986 года

Центр города

Торговый центр

дворец культуры «Энергетик»

гостиница «Полесье»

горком

кинотеатр «Прометей»

Кафе у реки Припять

проспект Ленина

Школа №3 и бассейн «Лазурный»

причал

Город рос и преображался. Современные жилые дома – девяти и шестнадцатизэтажные. Много магазинов и библиотек. Кинотеатр "Прометей" и Дворец культуры "Энергетик". Пять

школ, пятнадцать детских садов, городской бассейн "Лазурный", десять спортивных залов, два стадиона, профессионально-техническое училище. Большая площадка аттракционов: колесо обозрения, детский автодром, карусели и качели. Яхт-клуб, профилакторий "Солнечный". современные. Настрой был жизненный: вперед смотрелось легко – вот оно, Город цветов и молодых мам, улицы широкие и красивые. Дома высокие и счастье, молодость и надежда. На Новый год на площади у ДК большая елка, и половина города там веселилась и пела песни. Жили дружно: демонстрации трудовыми коллективами, походы в лес и на речку, даже в сауну ходили всей бригадой, наш директор угощал своим ароматным чаем – вот так мы жили. Родовались всему: рождению детей и получению первых квартир, хорошей работе и молодости, весне и любви. Рабочих рук требовалось много: это инфраструктура города, радиозавод "Юпитер", управление строительством ЧАЭС, десяток строительных организаций и, наконец, сама ЧАЭС. Поэтому сюда и ехали такие мечтатели, как я. В основном, это были молодые люди: строители, ядерщики с опытом, электрики, электронщики, другие специалисты и профессионалы – примерно пятьдесят тысяч жителей, средний возраст которых составлял двадцать шесть лет – город-мечта, город-сказка. Но сказки, как правило, имеют счастливый конец, а вот моя... Что же, судите сами. Мне казалось, что я схватил судьбу за узду, но кто знал, что это окажется необъезженный дикий мустанг.

Глава вторая

Авария

Город Припять, Киевская область. Чернобыльская АЭС.

26 апреля 1986 г.

Время: 01:23.

На 4-м энергоблоке ЧАЭС произошел взрыв, который разрушил реактор. При этом погибло два человека. Сценарий аварии: неконтролируемое возрастание мощности реактора перешло в тепловой взрыв ядерной природы. От перегрева ядерного топлива разрушились тепловыделяющие элементы (ТВЭЛы) в нижней части реактора, пар вырвался в реакторное пространство, давление резко возросло, что вызвало разрушение реактора в целом, в частности, отрыв верхней защитной плиты (схемы Е), которую работники станции называли "Елена".

Время: 01:24.

Начался пожар, длившийся больше недели.

Время: 23:00.

Обсуждение вопроса об эвакуации населения из Припяти (для этого к окраинам Чернобыля решено подтянуть транспорт, а окончательное решение принять утром).

27 апреля 1986 г.

Время: 02:00.

Прибытие транспорта, сбор его на железнодорожной станции Янов, ждали два дизель – поезда на 1500 мест.

Время: 13:10.

Передача по местному радио, сообщение Припятского горисполкома об эвакуации.

Время: 13:50.

Сбор жителей у подъездов.

Время: 14:00 – 16:30.

За два с половиной часа прошла эвакуация Припяти. Колонны, состоящие из 1200 автобусов и 200 грузовиков, шли с людьми и имуществом с интервалом в 10 минут в сопровождении ГАИ.

Время: 18:20.

Поквартирный обход домов милицией – нашли 20 человек, которые пытались остаться.

27 апреля – 10 мая 1986 г.

С вертолетов в развал 4-го энергоблока засыпали защитные материалы.

02 мая

Решено эвакуировать население из 30-километровой зоны ЧАЭС и других населенных пунктов, загрязненных радиацией.

06 мая

Начало дезактивации территории и зданий на ЧАЭС и в Припяти.

20 мая – 15 июля 1986 г.

Два месяца занял первый этап сооружения

"Укрытие": готовили пространство для строительных работ и конструкции "саркофага", создавали инфраструктуру (бетонные заводы, транспортные коммуникации, бытовые условия).

23 мая 1986 г.

Время: 14:40.

На 4-м блоке вспыхнул пожар, продолжавшийся около 7 часов. Тушили 268 пожарных. Катастрофа могла повториться.

15 июля – 30 ноября 1986 г.

Сооружение "саркофага" (объект "Укрытие"). Одних строителей на этой смертельно опасной стройке было около 90 тысяч человек! Вместе с подготовкой объект возвели всего за 206 дней и ночей.

Только в 2006 году дата 14 декабря – день принятия в эксплуатацию защитного сооружения (объекта "Укрытие") – Указом Президента Украины был назван днём чествования участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Мы его называем "**День ликвидатора**".

ЧАЭС – аварийный блок №4. Апрель 1986 года

Катастрофа

Об аварии на ЧАЭС 1986 года, об этой техногенной катастрофе мирового масштаба, почти за тридцать лет много было рассказано и показано по телевидению. Прокомментировано великими учеными-ядерщиками, выдвинуто сотни гипотез и прогнозов. Снято фильмов, написано книг, стихов, песен, даже есть компьютерная игра "Сталкер". Все это – официоз. Я хочу рассказать о ЧЕЛОВЕКЕ – том маленьком винтике в большом механизме ликвидации последствий аварии, которым мы являлись. Не о больших ученых мужах, не о министрах, не о партийных функционерах. Я хочу поведать о моих товарищах, о себе, "партизанах" (солдатах и офицерах запаса, призванных в армию на переподготовку и попавших прямо в пекло ликвидации аварии), о том, как виделось это нам, чем мы жили, как все потеряли и трудно находили, в том числе и себя. О нашем психологическом состоянии, когда мы потеряли все и всех. Нас разбросало по городам и весям нашей огромной тогда еще страны. Каково было тем, кто сразу не смог уехать и выполнял свой долг до конца, даже в прямом смысле этого слова. Никто тогда не знал и не думал о больших деньгах, повышенных пенсиях, наградах и льготах. Каково было нашим семьям, когда они знали, что член их семьи – сын, муж, брат или отец – сейчас в Чернобыле. Хотя в СМИ в то время информации об аварии и работах на аварийном блоке было очень мало.

Вначале вся тяжесть аварии свалилась на работников АЭС, сразу же подключились пожарные. Были мобилизованы химические войска, аварийные службы с АЭС всего Союза и институтов атомной промышленности, НИИ робототехники, призваны из запаса солдаты – "партизаны", привлечены радиолюбители ДОСААФ страны. Уже позже, летом и осенью 1986 года, как шарики ртути, люди, связанные с этой землей, стали стекаться в Чернобыль. Это были профессионалы: строители, инженеры-энергетики, ученые-ядерщики, электронщики, водители, медики и работники других профессий. Не думая и не ведая, что многие потеряют здесь здоровье и самое дорогое – жизнь. У многих будет искалечена личная жизнь: распадутся семьи, не выдержав напряженного графика работы и тревожащих разлук. Кто-то создаст новую семью из чернобыльских знакомств. Кто-то, не выдержав психологической нагрузки, запьет "горькую" и уйдет из этой жизни.

Работая на ликвидации последствий аварии на ЧАЭС в течение более тридцати лет, я узнал тысячи людей. У меня было много учителей, и я сам был наставником, работал с инженерами из Питера и Москвы, Десногорска и Воронежа, Курска и Кузнецовска, Киева и Сибири, у каждого из них своя история. Многих встречал позже, когда находился на обследовании в Радиологическом медицинском центре в Киеве: пожарных, которые оказались в самом пекле и делали свою работу, не понимая тогда, чем это закончится, да и некогда было думать о последствиях. Как в атаке: приказали – и вперед. Забытых на постах милиционеров, которые несколько суток, без смены и питания охраняли брошенный уже город Припять. Работников АЭС, которые продолжали выполнять свои обязанности на аварийной станции, вокруг нее и в городе.

Это моя история, мое видение, тех событий, свидетелем которых был я сам, многие факты и истории записаны со слов моих товарищей и коллег по работе. Много информации и людей я нашел позже через Интернет. Многих уже нет среди нас – царствие им небесное. Осталась только добрая память о них и воспоминания друзей. Я не считаю нас героями. Почему мы остались, почему мы вернулись из эвакуации? Не знаю. Ведь нас никто бы не осудил, но мы сами приехали в Чернобыль и продолжали делать свою работу. Наверное, так было надо нам самим. Иногда, рассуждая гипотетически, я спрашиваю себя: "А поехал бы ты на ликвидацию аварии на ЧАЭС, если бы не был связан судьбой с этой землей?" И отвечаю: "НЕ ЗНАЮ...". Возможно, нам не дано знать всего, что это – РОК, СУДЬБА?

Против рати темной всегда выступает рать светлая, и имя ей – «ЛИКВИДАТОРЫ».

Ночь, когда протрубил третий ангел

*Третий ангел вострубил,
И упала с неба большая звезда,
Горящая подобно светильнику,
И пала на третью часть рек,
И на источники вод.
Имя сей звезде «Полынь»;
И третья часть вод сделалась полынью,
И многие из людей умерли от вод,
Потому что они стали горьки.
«Откровение Святого Иоанна Богослова» стих 10, 11, глава 8*

26 апреля 1986 года – суббота, около трех часов ночи. Меня разбудил мой земляк Сергей Поспелов, мы с ним прошли одинаковый путь и получили квартиры в одном доме, он сказал: "Были на рыбалке, недалеко от АЭС и нас разогнала милиция, что-то случилось". Балкон моей

спальни выходил прямо на станцию, нас разделяло только песчаное плато (километра два), я выглянул со своего восьмого этажа и увидел: серая дымка, свечение, ни запахов, ни звуков, но почему-то стало тревожно. Дверь балкона закрыл, на всякий случай. Мой дом стоит на отшибе, последним по проспекту Строителей, поэтому суеты я не ощутил – было тихо. Сна, конечно, уже не было, так – полудрема. Только дети, наверное, видели свои сладкие сказочные сны. Наутро я должен был идти на работу. А вообще-то это ночное дежурство было мое, но меня попросил поменяться Юра, молодой парень, недавно у нас работал, его я больше не видел, наверное, куда-то уехал. Чтобы было понятно, то наша контора КССК находилась прямо напротив четвертого блока (метров 300), и открытые окна моей лаборатории смотрели прямо на его развал (сейчас это цех дезактивации СП "Комплекс"). Так случилось, что той ночью я был дома. Как говорится: «Бог отвел».

Утром, как обычно, на велосипеде, я поехал на дежурство (была даже велодорожка, мимо автостанции через лес – десять минут до работы) не спеша, но не в то утро. На работу меня не пустила милиция, я потолкался у автовокзала, говорили о каком-то сепараторе, о тревоге на станции, другой информации я не услышал, одни догадки. Позже узнал, что ночью, как раз по этой улице Дружбы народов машины скорой помощи возили пострадавших пожарных в Припятскую больницу. А пока, в восемь часов утра, мыли асфальт с белой пеной. Стало как-то тревожно. На душе скребли кошки. Я вернулся домой, дети и жена проснулись, хотели гулять. Теплый весенний день, и вот тут мы начали делать глупости – пошли в центр города. Не знал я тогда, что мне моя глупость «по самой дорогой цене» обойдется. Позже, получив справку о дозе, я узнал, что каждый член моей семьи за эти два дня до эвакуации получил дозу 5,6 бэра (56 мЗв), что составляло больше годовой предельно допустимой дозы (ПДД) облучения работника АЭС (ПДД – 5 бэр в год). Это официальная информация, а реальные значения я узнал значительно позже – наши дозы нужно было умножить, как минимум, на десять. Это мы теперь такие умные, а тогда – молодые, счастливые и, как все влюбленные, беспечные. У нас было все: семья, дом, работа – счастливое будущее.

Центр города Припять – вот таким он был в то утро 26 апреля 1986 года

В тот день, 26 апреля, на главной площади города было шумно и людно. Открылся новый универмаг, а это в то время – событие. Здесь же рядом Дворец культуры и гостиница "Поле-

сье". Дальше – горком, музыкальная школа и кинотеатр "Прометей". Речная пристань и детское кафе "Припять" над водой. В общем, центр города – и культурный, и торговый. Все с детками гуляют, встречаются, общаются и так часа два, три. Весна – пора надежд и мечтаний, а город уже обречен, но все эти счастливые люди об этом еще не догадываются. Нас никто не обманывал – нам просто никто ничего не сказал.

Я смотрел по сторонам, и меня насторожило большое количество черных автомобилей и военных с красными лампасами у здания горкома. Вот тут я встревожился – и бегом домой. Обсудили со своими земляками, у них тоже двое детей. Надо что-то делать, а что? Наш опыт: школа – гражданская оборона, армия, информации ноль. Уехать? Куда? Зачем? Дом, семья, дети. Идем с Сергеем на железнодорожную станцию Янов, там уже шумно, достоверной информации тоже нет. Сказать, что была паника, так нет, все интересовались расписанием движения, но никто никуда не ехал, просто общались. Потом уже рассказывали, что паника была у речной пристани, где катера на Киев. Мы растерялись. Так ничего и, не решив, вернулись домой.

На следующий день никуда не выходили. У всех были запасы продуктов, приближался, наверное, самый любимый праздник весны – Первое мая. Мы, конечно, к празднику тоже запаслись: мясо, колбаска, гусь, ликер "Рижский бальзам" – из Одессы я привез. Вообще-то праздничное настроение начало катастрофически таять. Мы все чего-то ждали, но поскольку плохого опыта не имели, верилось в хорошее. Еще думалось: почему это происходит с нами? Вот с такими тревожными мыслями мы провели, как оказалось, последнюю ночь в своей долгожданной новой квартире. В своем, ставшем уже близким, городе-мечте Припять.

Брезжил рассвет. Что принесет нам новый день? Не знали мы, что этот день станет разделом нашей жизни (как в войну) на «до» и «после».

Эвакуация

На следующий день к нам никто не пришел, и только в полдень объявили по городскому радио, что на АЭС произошла авария и нас временно эвакуируют, дня на три. Мы покинули квартиры, даже холодильники не выключили. Объявлено было, что автобусы подойдут к каждому дому к 14 часам, но уехали мы только в 16. Организовано все было нормально, но это еще два часа на улице, а младшему моему сыночку было 8 месяцев.

Нас вывезли за 53 км от Припяти – в село Королевка Полесского района (чуть позже его тоже выселили). Сколько было автобусов, я не знаю, мы видели только нескончаемую вереницу ЛАЗов в сопровождении милиции. Расселили всех по хатам, здесь мы впервые получили йодистые препараты. Переночевали у добрых людей, покушали, что Бог послал, с собой у нас только документы да молочко, чтобы грудного ребенка накормить, да одежда, чтобы его переодеть, благо тепло уже было. Больше у нас ничего не было, ведь мы уезжали на три дня, а оказалось – навсегда.

Утром мы поняли, что нужно выбираться из этой беды самим, ощущения были такие, что вот-вот все как-то рассосется, переменится, что это какая-то нелепая ошибка или учения, и к первому мая мы вернемся в свой город, в свой дом. Опять же достоверной информации не было, особенно в селе. Все потихоньку начали куда-то разъезжаться. Слава Богу, работал телефон, а в Овруче (это еще 50 км на запад) живет сестра моей жены, муж у нее военный, они нас забрали машиной. Зарегистрировались у властей, Первوماй встретили у родственников в Овруче. Свояченица работала на метеостанции, у них был дозиметрический прибор СРП-68 – это прибор высокой чувствительности – он показывал от половины до полной шкалы в микрорентгенах. Тогда я не сильно в этом разбирался, хоть и учили когда-то.

"Сарафанное радио" донесло, что штабы всех организаций г. Припяти находятся в районном городе Полесском, в 50-ти километрах, и я почти каждый день на попутках туда ездил. Уже тогда установилась такая фронтовая традиция: на дороге никого не оставлять и денег за проезд не брать. В Полесском я нашел свою контору КССК УСЧАЭС, пока только собирали людей и регистрировали их. О работе разговоров не было. Вот здесь уж попили красного сухого вина "Бычьа кровь". В сберкассе давали материальную помощь, а вино продавали прямо с машины. Может быть, в то время это было единственное лекарство для души и тела. Давали какие-то вещи, кто-то кого-то искал. Вообще, Полесское в то время было как прифронтовой город или цыганский табор.

После праздника 9 мая я с семьей уехал в Россию, к родителям, поселились у тещи. Снова занялся бытом моей семьи, устроил их жизнь по-походному. Нашли кровати, кое-какое белье, посуду, что-то дали мои родители и брат. Надо отдать должное Тульским властям: выдали подъемные, нас проверили дозиметристы, кое-что купили себе и детям из одежды. Позже нам даже предлагали квартиру в областном городе. Но я уже уехал на работу в Чернобыль.

После первой вахты в Чернобыле я получил пропуск-удостоверение на право въезда в закрытую зону ЧАЭС и статус участника ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Ламинированный прямоугольник с красной каймой и полосой наискосок, с надписью "ВСЮДУ", давал мне право совать мою буйную головушку везде. Я мог покупать билеты на любой вид транспорта без очереди или в специальных кассах. Мои друзья, в моем родном городишке, быстро все просчитали и использовали меня и мое удостоверение, в дни приезда домой, для покупки спиртного. Его в то "горбачевское" время давали только с милицией и в огромных очередях. Русская традиция: "за встречу", "за отъезд", "на дорожку" ("на коня" – укр.).

Мой первый пропуск в «зону отчуждения»

Последствия чернобыльской катастрофы для Белоруссии

Формирование радиоактивного загрязнения природной среды на территории Беларуси началось сразу же после взрыва реактора. Особенности метеорологических условий в период 26 апреля – 10 мая 1986 года, а также состав и динамика аварийного выброса радиоактивных веществ обусловили сложный характер загрязнения территории республики. Четверть белорусской территории подверглась радиационному загрязнению после аварии на Чернобыльской АЭС. В результате аварии более 137 тысяч человек стали вынужденными переселенцами. После аварии Беларусь оказалась даже более зараженной, чем Украина. В 1990 году белорусский парламент объявил зараженные районы зоной экологического бедствия. Райцентр Брагин, от которого до ЧАЭС по прямой – полсотни километров, подлежал отселению трижды. На военных картах сразу после аварии на ЧАЭС город был обозначен, как непригодный для жилья. Сейчас Брагин в зоне "с правом на отселение" – уровень загрязнения городка радионуклидом цезий-137 достигает 15 Ки/км.кв. Кто мог и хотел воспользоваться правом на отселение, давно уехал – почти пять тысяч человек переселились после аварии в чистые места, около пяти тысяч жителей в Брагине осталось. Чернобыльская катастрофа не только привела к тяжелым социально-экономическим, радиологическим, медицинским, культурологическим и социально-психологическим последствиям для Республики Беларусь, но и оставила глубокий информационный след. Чернобыльская катастрофа оказала воздействие на все сферы жизнедеятельности человека – производство, здравоохранение, культуру, науку, образование, экономику и др.

Глава третья

Жгучее лето 1986 года

В начале июня я уже был в Полесском. Работы в Чернобыле проводились по вахтовому методу – пятнадцать дней работаем мы, нас сменяет другая вахта, а мы отдыхаем, и наоборот. И так каждый месяц. На окраине города Полесское, в общежитии училища, жили тогда вахтовики Управления строительством Чернобыльской АЭС (УС ЧАЭС) и моя организация КССК, оттуда каждый день ездили на работу в Чернобыль, расстояние – 60 километров.

Я приехал к самому началу наладки двух передвижных бетонных заводов. Их строила какая-то московская организация. Организовали поездку на нашу базу КССК на промплощадке АЭС, взяли кое-какой инструмент и электроизмерительные приборы. Честно говоря, я не ожидал увидеть такую военную собранность. Мы оказались на чужой территории (строительный участок по ул. Котовского). Нам досталась база с большими мастерскими и склад той организации, где, в основном, была сантехника и стройматериалы. Меня удивило, что там еще были духовые музыкальные инструменты – полный оркестр: трубы, альты, тенора, баритоны, басы и два ленинградских кларнета (я когда-то в училище играл в оркестре). Я взял один кларнет, побаловался немного (трости пересохли) и положил обратно. Вроде бы оно ни чье, но и не мое. Не люблю брать чужое. Позже узнал судьбу этих инструментов, они же были, в основном, медные, а в Чернобыле все рыбаки. По рассказам вся эта красота ушла на изготовление блесен для рыбалки.

Но в то время – работа, прежде всего. Мы быстро приспособились к новым условиям и знали, что делать. Меня сразу же, как опытного наладчика, подключили к москвичам. Бетон к тому времени уже шел на блок. Работала военная строительная организация УС-605 в селе Лелев, они смонтировали несколько бетонных заводов, и бетон шел непрерывным потоком. Но, наверное, этого было мало, поэтому мы монтировали еще два. А пока на нашей территории уже трудился маленький бетонный заводик, который работал еще "при царе Горохе". Мы работали по 12 часов в две смены. Бетон нужен был, как хлеб. В это лето он стал стратегическим материалом, в прямом смысле этого слова. Мы монтировали весы и дозаторы, отлаживали автоматику. Я не знаю, откуда были поставлены эти заводы, но электронные весы были из Тюмени. У нас что-то не ладилось, не хватало комплектующих. И тут на площадке оператора (это такое возвышенное место) появляется наш директор, в ту пору это был Ю.Б. Муравьев, начинает спрашивать, что происходит и чего не хватает, а за его спиной, как референт, записывает все это какой-то мужик. А через день самолетом все комплектующие с запасом были у нас на складе. Оказалось, что мужик был из КГБ. Вот так тихо, но результативно нам помогали. Рекордов никто не ставил, но за 2 недели заводы были запущены в работу, и пошел большой бетон. Я остался обучать операторов и следить за автоматикой. При такой интенсивной круглосуточной работе, честно говоря, она часто отказывала, и мы переходили в ручной режим.

*Бригада КССК УС ЧАЭС. Среди других В. Кравец, И. Маруженко,
В. Мельник, М. Буков, В. Копычев, А. Рабков. Чернобыль,
лето 1986 года*

Ежедневные поездки в общежитие в Полесском очень утомляли, да и лепесток на лице (такой марлевый респиратор от пыли) раздражал, хотя в автобусе мы в них и спали. Поэтому иногда приходилось нарушать: у нас на участке в Чернобыле была мастерская-вагончик, мы принесли туда две кровати и там иногда оставались. Я не называю точных дат – не помню, может быть это "чернобыльский синдром", но лето 86-го было для меня одной глыбой, большой, цельной, жгучей. Кто бывал на бетонных заводах, тот знает, что это такое. А передвижной бетонный завод – это такой комплекс подъемных механизмов, состоящий из подвижного поворотного скипа, который загребает в бункера песок или щебень, засыпанные в металлические сегменты. Все это подается, через дозаторы и весы, в бетономешалку, куда добавляется цемент и вода, и замешивается бетон. Дальше будет понятно, к чему я сделал это техническое отступление.

Лето, жара, пыль, цемент, песок, щебень и так 100 раз в день, а может, и больше. Я не оговорился, имеется в виду, что столько "миксеров" за день мешают эту кашу и поднимают все это в воздух. "Миксер" – это такая большая, вращающаяся, грохочущая бочка на базе КамАЗа, МАЗа или "Татры". Я не говорю еще о гамма-фоне в то время, об этом в УДК все расписано, он был в 2,5 мР/час. И вот в этой кутерьме на нашей вахте появляется новое лицо. Я не помню точно даже его имени, кажется Эдик, может как-то иначе, ведь он приехал из Армении. Молодой человек, стройный, не героического телосложения. По его словам, в свой отпуск приехал, чтобы нам помочь. Поучаствовать в ликвидации последствий аварии на ЧАЭС. Через комитет комсомола добился, и его взяли в нашу бригаду. Такой спокойный парень, даже застенчивый. Старался везде поработать, и лопатой, и отверткой. Все заработанные деньги переводил в Фонд Чернобыля. Я обучил его работе оператора – управлять процессом. Так он проработал у нас две вахты, правда, закончилась его работа не очень весело. У нас был непрерывный цикл,

работали в две смены и в обед, то есть подменяли друг друга. Эдик остался один за оператора и тут соскочил с направляющих скип. Это такой большой железный ящик с песком или щебнем (примерно тонну весом) поднимается на тросах по роликам. Он, конечно, один геройски пытается ломом поставить его на место, трос соскакивает и зажимает ему руку. От боли он может только кричать, но его никто не слышит, под ним гудят штук двадцать "миксеров", да и своих механизмов достаточно. Так несколько минут он был прикован к этому барабану, пока, наконец, кто-то из водителей заметил и поднялся к нему на помощь. Эдика я встретил по дороге к столовой, рука была забинтована, а он шутил. Вот такой Эдик. Что его заставило приехать, ведь у него трое детей и, как оказалось, он из династии сапожников, а это у них уважаемая профессия. Он даже показывал татуировку на руке, и такая же эмблема на его ботинках – треугольник, а в нем какие-то буквы, наверное, армянские.

В то лето у нас было несколько таких же героев-комсомольцев, некоторые переводили свои деньги в Фонд Чернобыля, кто-то работал в свой отпуск. Я не владею всей такой статистикой, пишу только о том, чему был свидетелем сам.

Каждый раз, в день приезда на вахту, нас везли в черновыльскую больницу: у нас брали кровь на анализ, и осматривал терапевт. Один раз в год мы проходили комиссию там же – всех врачей и флюорографию. Вначале все это происходило в старых зданиях районной больницы, несколько барачков, наверное, до военной постройки. Через год, в здании школы по ул. Кирова, открыли МСЧ-126 (сейчас это СМСЧ-16). Кирпичное трехэтажное здание соответствует всем требованиям СЭС. Центральный вход, регистратура, доврачебный кабинет, СИЧ и скорая помощь (позже открыли кабинеты реабилитации). Второй этаж: лаборатории, все специалисты, ЭКГ и рентген. Третий этаж: администрация, УЗИ и стоматологи. Конечно, все это не сразу заработало, вначале только самые необходимые специалисты, теперь есть спортзал, реабилитационное отделение и процедурная.

Встретился я с одним из фельдшеров г. Припять – А.И. Скачком,

в Припяти их было два: А.И. Скачек и П.А. Рожков. 26 апреля 1986 года они дежурили на скорой помощи города Припять. Ночью сообщили об аварии на ЧАЭС, больше никакой информации не было. Ни о масштабах, ни о радиационной обстановке. Скачек рассказал мне, что все увидели своими глазами, когда поехали на станцию по вызову. Вывозили обожженных пожарных и пораженных радиацией работников станции. Все они были в плохом состоянии, некоторые без сознания. Привезли пожарного Владимира Шашенка, одежда на нем была вся в лохмотьях, сильно обгорел. Он единственный, кто умер в городе Припять в то время. Затем стали вывозить пострадавших в Киев и дальше в Москву. Самого Скачека тоже отправили в Москву на лечение. Запретили работу в 10-километровой зоне. Позже он стал работать на скорой помощи в г. Чернобыль.

Несколько врачей, еще из Припяти, работают, по сей день. Это наши терапевты Г.Я. Лятусова и Н.А. Пospelова. На одном из стендов поликлиники я увидел фамилии уже умерших врачей и медсестер, их более тридцати пяти по состоянию на 2013 год. Даже я многих узнал по фотографиям, особенно хирурга-стоматолога Бакулина. Он был легендой еще в Припяти, лучше всех удалял зубы.

Встретился я с еще одним доктором – стоматологом Натальей Павловной Яценко, как оказалось позже, я долго работал с ее мужем Виктором в ПО "Спецатом". Вот что она мне рассказала: *«Судьбы всех эвакуированных из города Припять чем-то похожи. Утром 26 апреля я была на дежурстве в детской поликлинике города Припять. Иду на работу, а санитарочка уж очень тщательно все моет, вот тут-то нам и рассказали об аварии. Нас послали раздавать йодистые препараты по участкам и квартирам. На следующий день эвакуировали в село Коленцы. Как только выехали за город, автобус сломался возле «рыжего леса», потом кое-как доехали до села, с собой сумочка да термос. Виктор только что из больницы. В селе всех уже разобрали по хатам, нас поселили у лесника. На следующий день начали выбираться из*

этой беды, уехали в Полтавскую область, на родину мужа. Через три часа к нам пришли из КГБ и провели беседу о неразглашении информации об аварии. Мой муж Виктор работал в «ЮТЭМ», в дозиметрической службе. Дочь отправили к родственникам на Донбасс.

Третьего мая Виктор уехал в Киев, в трест – его уже разыскивали. Начал организовывать дозиметрическую службу в своей организации на ЧАЭС. Я поехала в Полесское, там были штабы всех предприятий города Припять. Меня направили в Тетерев, в поликлинику, здесь нас собрали на расформирование. Приехали из главного управления № 3 г. Москвы, которому мы подчинялись. Был приказ передать материальные ценности в Киев, в МСЧ-146 на "Большевик": золото, спирт и наркотики. Провели собрание: кто и куда хочет перевестись по медицинским причинам. Поскольку мой муж работал в зоне, меня оставили. Беда, конечно, объединяет людей, но попадались и недобрые, завистливые, циничные люди. Прямо по-хамски говорили, что вот вы будете работать по вахте, у вас будут доплаты. А чему завидовать: о деньгах мы не думали, остались без жилья, семьи разбросаны, кто где, да и голову суем, кто знает куда.

Вот тут и начались мои путешествия, я стала работать по вахте. Летом оказалась на кораблях в селе Страхолевье (Киевское море), в сорока километрах от Чернобыля. В то время там жили работники ЧАЭС, на 14 речных теплоходах. Они стояли прямо на воде у берега. На каждом была штатная команда, кормились тоже на судах. Нам поставили медицинскую амбулаторию на берегу – сборный домик. Мы там работали осень и лютую зиму 1986 года, поселок Зеленый Мыс только заселялся. Я отработала две вахты, холодно, неудобно, кресло застывало. Работа стоматолога скрупулезна, точна и с властью. Стояло три камина, но все равно работать было тяжело и холодно. Наша помощь была нужна во многих местах. Меня посылали в Глебовку (пионерские лагеря на Киевском море), там тоже жили ликвидаторы, в Чернобыль на ЧРЭБ (Чернобыльская ремонтно-эксплуатационная база).

На ЧАЭС медосмотры проводили выездные бригады врачей, к осени 1986 года открылась поликлиника в поселке Зеленый Мыс, который был построен для вахтового проживания работников ЧАЭС. Открыли стоматологический кабинет. Поликлиника работала с 8 часов утра, днем три часа перерыв – и до 23 часов. Затем я работала на АБК-1 (административно-бытовой корпус № 1) ЧАЭС, в здравпункте на первом этаже. У нас была бригада: я – стоматолог, два терапевта и две медсестры – оказывали медицинскую помощь работникам ЧАЭС.

Осенью 1986 года мужу дали квартиру в Киеве, на Троещине, устраивали свой быт. В Чернобыле, в старой поликлинике, работали бригады командированных врачей из городов: Львов, Харьков, Тернополь, были и россияне. К 1991-92 гг. часть командированных стала разъезжаться, перестали оплачивать проезд. Меня перевели в Чернобыль, еще в старые помещения больницы.

В 1992 году открыли поликлинику в Чернобыле, в здании школы. Здесь у меня большой кабинет, на третьем этаже, два кресла. С жильем устроились, дали неплохое общежитие, недалеко от столовой "Сказка". В поликлинике работали: терапевты Г.Я. Лятусова, Н.С. Саломахина, Н.А. Поспелова, А.П. Илясов; хирург А.М. Бень, Валя-медсестра; стоматологи Н.Г. Флота, А.Н. Бакулин, Ф.М. Пузырев, Ефремова; окулист В.Н. Флягина; отоларинголог М.Ф. Камкина; заведующий поликлиникой Мамчур. Штат поликлиники был около двухсот человек. Многих из них уже нет. Вечная им память».

Я продолжал работать по вахте в Чернобыле. В середине лета 1986 года моя семья и семьи моих товарищей уже жили в одном из лучших санаториев Евпатории. Он назывался "Советские профсоюзы", нам дали двухкомнатный номер. Теперь я между вахтами находился в режиме перелетов: Чернобыль – Киев, самолет – море – самолет, Киев – Чернобыль. Дома своего еще не было, у многих семьи были разбросаны по всему свету. Мы хотя бы в межвахтовый отдых могли побыть со своими семьями, отдохнуть на берегу моря. Дети еще маленькие, старшему Диме седьмой год, Жене восемь месяцев. Уже тогда врачи рекомендовали ограничить пребывание

каждого из нас и членов наших семей на солнце. Не хватало нам еще и солнечной радиации. Моя жена все-таки получила дозу того радиоактивного йода. Наверное, у женщин все-таки иммунная система слабее, потому что щитовидная железа пострадала большей частью у них.

В Чернобыле мы могли звонить по междугородке, зная специальный позывной. Телефон на нашем участке был один, в конторе, стоял на подоконнике. И вот как-то мы заезжаем во вторую смену на работу, а телефон не работает. Велись какие-то земляные работы на нашей территории и кабель оборвали. Сейчас трудно представить цену тем звонкам, их ждали наши жены, дети и родители. Было всякое, иногда приходилось работать и целый месяц. А семьи ждут нас. Я, как "старый связист" (армейский опыт), разделяю кабель, нахожу нужную пару, подключаю телефон, и мы прямо из ямы разговариваем со всем Советским Союзом. Это нужно было видеть и слышать, когда ночью из траншеи при свете фонарика слышалось: "...мама у меня все нормально, кормят хорошо...", "...дорогая, жди, я скоро приеду...", "...сынок, ты не спишь? я тебя тоже люблю...". Все это было! Бог тому свидетель!

Сказать, что все было отработано и шло гладко, трудно. Были случаи, которые выбивали из колеи, и не только нас. Ломались механизмы, приходилось выводить их на ремонт, но однажды ночью на одном из наших заводиков все остановилось, наступила тишина. К нам в вагончик забегает мой земляк Сергей и говорит: "Мишка, я бомбу ковшом вытащил из песка", – он как раз был оператором на скипе. Представьте себе: ночь, куча песка в свете прожекторов, и ты тащишь на себя болванку, которая может разнести в любую минуту все в дребезги. Тут у любого заносит внутри. Что делать? Остановка в подаче бетона, когда под тобой режут, как стадо голодных быков, "миксера", – ЧП. Идет заливка "саркофага", непрерывная подача бетона на блок бетононасосами.

Мы сообщаем своему начальству, те – выше, и ждем, но службы не едут. Тогда начальник смены Милосердов берет этот снаряд на руки и, приговаривая шепотом, медленно относит его подальше на кучу песка. Мы делаем ограждение из проволоки... и вперед! Правда, вначале работали с опаской, с какого карьера привезли этот подарок, мы не знали, а вдруг нас ждет еще сюрприз. Но все, слава Богу, обошлось, к утру приехали военные и увезли снаряд. Оказалось, что он лежал в песке со времен второй мировой войны.

А лето все жарило и пылило. Питались мы в столовой "Энергетик" (здание профтехучилища, ул. Калинина), наверное, первая рабочая столовая в то время в Чернобыле. Уже в 2010 году, благодаря современным технологиям, с помощью Интернета, я нашел много участников тех событий и тех, кто работал в то время в этой столовой.

Вот что рассказала мне Татьяна Ролдугина: *«Здравствуйте Михаил. Приятно встретить человека, имеющего с тобой что-то общее. Я была командирована в августе 1986 года в Чернобыль в составе вахтовой бригады (30 человек) от ОРСа (отдел рабочего снабжения) Северо-Кавказского завода стальных конструкций Гулькевичского района Краснодарского края. По прибытии в Киев нас переделали во все белое и отправили на катере "Ракета" по воде. В штабе в Чернобыле распределили в столовую "Энергетик". Это была самая большая столовая на тот момент, питалось ежедневно более десяти тысяч человек, питание было по талонам, а буфет – за наличные деньги. Буфет располагался на первом этаже у входа, здесь же дежурили дозиметристы. Питание было очень хорошим, когда я была: если вечером оставались продукты, то их выбрасывали. Свинью с поросятами я не видела, а вот вялые кошки без голоса были. Часто отключали свет, и тогда выдавались сухие пайки. Вода была привозная, а пили минеральную. Нас никуда из Чернобыля не вывозили, мы там и жили: работники кухни в учебном корпусе, а я и еще 3 человека – в столовой. Работали по 18 часов в сутки, без выходных. И поскольку радиационный фон был высокий, вместо 17 командировочных дней мы пробыли всего 12 дней (медики нас комиссовали). Еще помню, при нас приезжал с концертом Николай Гнатюк. Он был именно в Чернобыле, а не в Славутиче. Что меня, действительно,*

тронцло там, так это общая сплоченность и солидарность людей всех национальностей. Общая беда настолько объединила, что все друг другу хотели и пытались помочь».

Следует отметить, что действительно кормили очень хорошо, тогда было запрещено обрабатывать мясо, поэтому давали ломтями, иногда отбивная больше, чем тарелка. Давали шоколад, апельсины и даже пепси-колу. Каждый день видели такую картину: у входа в столовую вальяжно возлежала свинья с поросятами, видимо, ее там подкармливали. К нам на территорию заходили попасись кони, брали хлеб с рук и терлись благодарно, позже они одичали и не шли к людям, кусались; видели кроликов и другую домашнюю живность. Как-то прилетел карликовый петушок, красавец, такой же бездомный, как и мы, забрали в общежитие, там он и жил.

Город-сиротка

Где-то в июле 1986 года я после работы в ночь, немного осмотревшись, днем решил пробраться в Припять, в свою квартиру. Я не был там уже почти три месяца, тяжело чувствовать себя бездомным и неприкаянным. Утром на попутной поливочной машине поехал в город. От Чернобыля до Припяти – 18 км. Кроме того, что дороги постоянно поливались водой, обочины были обработаны бардой и латексом, чтобы закрепить песок и пыль, для предотвращения пылепереноса. Его распыляли специальные машины и военные вертолеты. Этот раствор, после застывания, образовывал пленку, похожую на целлофан, если на нее наступить ногой, она хрустела, как сахарная. Дорога проходила через выселенные села Лелев, Копачи, мимо "рыжего леса" – на "факел". В районе Копачей был устроен пункт перегрузки, где из миксеров бетон перегружали в самосвалы, с которыми уже на блоке работали бетононасосы. Таким образом, разделялись машины на условно "грязные" и "чистые". Машины, которые ходили по маршруту Копачи – ЧАЭС, были обречены, они были самые грязные и дальнейшая их судьба – могильник. У водителей было два понятия "факел" – это поездка на 4 блок, и еще в районе "рыжего леса" была стелла – "Комсомольская ударная стройка – ЧАЭС", в форме факела, она и сейчас стоит, только надпись "ЧАЭС" убрали, да ордена комсомольские отпали.

Стелла "Факел". Дорога на Припять

Это было самое грязное место по дороге на блок. Что скрывать, некоторые просто боялись и на "факел" не ехали. Тому есть свидетели – кучи бетона в окрестных лесах, что подаешь – чувство самосохранения подавляло иногда чувство долга. Да и машины не все были готовы к радиационно-опасным работам, водители сами обшивали кабины свинцом. А "рыжий лес" действительно был смертельно рыжим. Он теперь сам "излучал" во все стороны, был как открытый радиоактивный источник. Во время взрыва, наверное, ветер бросил много аэрозоли,

или радиоактивной пыли, именно в ту сторону. Расстояние – два километра до аварийного блока, а леса вокруг сосновые. Это дерево как индикатор – почему-то желтеет и погибает от радиации. Даже странно было видеть такой контраст, когда в этом лесу попадались березки или осины – они стояли зелеными, на желтом фоне. Осенью листочки так и опали зелеными, будто замороженные. Впоследствии весь этот лесок закопали бульдозерами и сровняли. Долго там почти ничего не росло. Вообще-то вокруг станции погибли все сосновые леса, даже та знаменитая историческая сосна – "трезуб". Еще до аварии мы ходили на нее смотреть – огромная сосна, из одного ствола растут три. На них металлические скобы, на которых, говорят, вешали то красных, то белых. В общем, натерпелась она, бедная, а погибла от «мирного атома», у подножия ее была надпись:

*«И ты, идущий по весне,
Остановись!»*

*И поклонись ей низко...
Кому?
Да этой вот сосне,
Сосне, что стала
Обелиском...»*

Через два-три года ближе к станции были высажены сосны с питательным раствором, они выжили, и теперь там хороший лесок. Вот такое невеселое отступление, чтобы стало понятно, какими местами я проезжал. Дороги все время поливались, обочины обрабатывались бардой. Но все равно, лето, жара – лепесток на лице и радиация повсюду: в воздухе, на асфальте, на обочинах, на траве и деревьях.

*«Припятъ, прости живых»
Работники СП «Комплекс» – 1996 год: Бадера Л., Корчагина Л., Вязовская Т.*

Чуть дальше развилка: направо пойдешь – в промзону попадешь (дорога мимо УС ЧАЭС и прямо к 4-му блоку), налево пойдешь – тоже мало хорошего, ведь город Припятъ, уже не живой, покинутый и небезопасный. У того поворота стоит бетонный указатель города. Наверное, жители, чувствуя свою вину, просили прощения у города, как у живого, и сделали надпись: "Прости живых". И дата: «26.04.1986". Через некоторое время таблички сняли, может, выиграла гордыня человеческая, а напрасно. Все же виноваты люди.

Въезд в город – проспект Ленина, КП еще не было. Я пошел к своему дому, он располагался в противоположном конце от въезда. Это последний дом, который заселили в городе до аварии. Мой дом находился по проспекту Строителей, 40, а к первому мая готовили рядом к

сдаче еще один. Он так и не дождался своих жителей. Тяжело было видеть некогда уютный, светлый, обжитой город. А теперь, как сиротка, бездомный, вроде бы и люди есть, но никто здесь не живет. На улицах встречались такие же, как я, люди в белых костюмах и с лепестками на лице. В основном, бывшие жители, работники станции и ликвидаторы. Зачем я туда поехал? Наверное, заскучал, так долго ждал своего дома, семейного уюта, а тут – бах! И ничего нет. Ведь мы уезжали на три дня. Сын у меня здесь родился, надо было забрать фотоальбомы, дипломы и другие документы. Я прошел по проспекту Ленина, пересек площадь перед домом культуры, на клумбах расцвели розы, а кого радовать? Прошел мимо "Колеса обозрения", увидел детский автодром – несостоявшуюся детскую радость. Дальше еще одна радость для всех жителей – строился большой спортивный комплекс: стадион, беговые дорожки, теннисные корты, большие трибуны. Все это под окнами моей малосемейки по улице Набережной. Дальше – школа, в которой должен был учиться мой старший сын, и вот я у своей девятиэтажки. Двери в подъезд закрыты, я не знал, что все дома поставлены на сигнализацию. Нам об этом никто не говорил, но коль приехал – рискую, к тому же у меня есть пропуск в «зону» и паспорт, с Припятской еще пропиской. Вынимаю одну дощечку из двери, смотрю – да, все опутано тонким проводом, я его отвожу в сторону, не обрывая, вынимаю еще несколько дощечек, и по-собачьи проползаю в подъезд. Поднимаюсь на восьмой этаж, у меня ключи от моей квартиры, вхожу: все в порядке, все на своих местах, мы же собирались скоро сюда вернуться, как все тогда – к празднику. Детская колясочка, которую я толкнул, уезжая, остановилась в конце прихожей, игрушки разбегались по комнатам. Мои дети их уже никогда не увидят. Спальню "Росинка" недавно купили, кухню "Золушка", велосипед стоит без дела – и тишина. У нас недавно было все: квартира, дети маленькие, сами молодые, наверное, это и называется – СЧАСТЬЕ, но провидение распорядилось нашей судьбой иначе. Остаться здесь уже не хотелось: холодно, неудобно и пусто, не слышно человеческой речи – страшная тишина со звоном в ушах. В носу защипало, может от пыли, или... "мужчины не плачут – мужчины огорчаются". Нас не было почти три месяца, даже холодильник был на месте. Это было мое последнее приобретение в той еще жизни. Электроэнергия по городу была отключена, поэтому холодильники впоследствии выбросили. Моя жена Татьяна большая аккуратистка, поэтому все вещи у нее были упакованы в целлофан и лежали в шкафу.

Я забрал фото, документы и еще какие-то мелочи, а из холодильника взял только бутылку водки и "Рижский бальзам", знал, что пригодится. Балконы уже почистили – дезактивация, не было даже половых досок, жалко спиннинги и рыболовные снасти. У нас с соседями были смежные балконы с проходом, мы не были еще даже знакомы. Я увидел, что их дверь открыта – "черная дыра", но даже не подумал зайти – не мое, беда у нас общая, только прислушался и ушел. Муторно как-то стало на душе, обидно. Недолго я пробыл в своей теперь уже бывшей квартире, да и пожили мы в ней недолго – почти восемь месяцев.

Спустился на улицу, восстановил сигнализацию и тут у соседнего дома (его называли клюшкой из-за формы с изгибом), я увидел автобус ЛАЗ, оказывается, он приехал с молодыми ребятами, в дом культуры за музыкальными инструментами и электронной аппаратурой, а они заехали в свои квартиры. Я договорился с водителем (пригодились водка и бальзам), что меня подвезут до Чернобыля. Вот тут меня чуть и не забрали: вдруг, откуда ни возьмись, появился патруль и, несмотря на прописку, отобрал у меня паспорт. Пришлось идти в милицию, здесь мне повезло больше, на смену заступал лейтенант, припятчанин, он узнал, что меня задержали у "моего дома" и приказал отпустить.

Таким стал мой город "после", одинокий и брошенный

проспект Строителей

Панорама с видом на ЧАЭС

Строительство «Новой арки»

Мой дом – последний у воды. Проспект Строителей, дом 40

Вернулся я в Чернобыль к ночной смене, "и снова в бой – покой нам только снится". А вот спать нам приходилось мало. В середине лета мы переехали в Глебовку, это за Дыме-

ром. Нам дали коттедж в пионерском лагере, на Киевском море, но красотами любоваться, не было времени. До работы нам стало еще дальше – 92 км. Подъем в пять, с рассветом, завтрак – и в путь. Возили нас "КАВЗиком", был раньше такой маленький автобус, у каждого была своя подушка, досыпали в пути, места всем хватало. Возвращались затемно, умудрялись еще и на свидания ходить, обслуга лагеря – женщины ("как молоды мы были..."). Чего греха таить: мужики есть мужики, а выпить хочется. В Чернобыле магазинов еще не было, а времена были безалкогольные – горбачевские. Так что и мой французский одеколон утолил чью-то жажду. В селах даже самогон купить было сложно. Особенно страдали "партизаны", работа тяжелая и пыльная, а люди все взрослые. Помню однажды летом 1986 года, может быть, был праздник, а может, фон повысился, мы пришли на обед в столовую "Энергетик", а на столах стоят стаканы с красным вином "Кагор". Еще в Чернобыле была аптека – там спиртовые настойки продавали. В магазине "Галантерея", что на Советской улице – одеколон. Так вот, улицу Некрасова, что напротив этого магазина, старожилы прозвали «одеколонный переулочек» (там валялись сотни пустых пузырьков). Уже позже наш предприимчивый народ решил и эту проблему. На автостанции дежурил автобус, где всегда можно было купить водку по двойной цене. Называли этот бизнес "Кафе Житомир". Был еще один курьез. Недалеко от наших бетонных заводов в Чернобыле была городская база райпотребсоюза. И вот как-то я стою на высоте (пультоточка бетонного завода, уровень второго этажа) и наблюдаю такую картину: несколько милиционеров выкатывают из подвалов бочки, выбивают у них доньшки и что-то выливают. Ну что они выливали, стало скоро понятно, разнесся такое "амбре": сначала запах апельсина, затем – дюшеса и черной смородины.

Все это были спиртовые эссенции для приготовления лимонада. От местных я узнал, что лимонад, приготовленный в Чернобыле, очень славился по всему району и дальше, а делал его (фамилия все скажет) Цойраф А., это была популярная личность в Чернобыле – Александр Цойраф. Человек с большими организаторскими способностями, его часто направляли на объекты, где требовались его опыт по работе с людьми. Но в большей степени он прославился своими напитками: лимонадами и крем-содой, которые занимали призовые места далеко за пределами района и даже области. Еще он славился, как коварный обольститель женщин. Была у него слабость – он всем своим женщинам дарил "дефициты", в частности, фирменную обувь. Да простят меня его родственники за такую вольность, но все воспоминания о нем я слышал от его земляков только с уважением.

Позже, в общежитии, я видел, что ребята привозят какие-то бутылки, видно, запаслись "горючим". Вокруг нашей базы было размещено еще несколько строительных организаций, в один из вагончиков притащили дубовую бочку вот этих ароматов, наверное, из нее и черпали. Попробовал и я. В чистом виде – гадость редкая. Шутили с теми, кто перебрал "апельсиновой" – утром на тумбочку клали апельсин. От такой концентрации ароматов организм очищался, но голова болела все равно. Торговых точек в Чернобыле было мало: в жилом доме № 74 на Советской улице был галантерейный магазин, так – же работала аптека, кассы железнодорожные и авиа. На первом этаже ресторана (ныне столовая «Припять») – гастроном, продавали воду, соки и всякую мелочь. Соки в пакетах были редкостью, при случае я покупал коробками и привозил своим детям. На втором этаже была офицерская столовая. Солдат кормили в помещении бывшей столовой по Советской улице. Долгие годы на брошенном здании сохранялась надпись "Солдатская столовая". Привозили много книг, тогда большой дефицит.

Только где-то после 1991 года в старом доме по Советской улице открылся первый магазин, где можно было купить Черниговское пиво (первые кооперативы), затем еще один – напиток. Мужчин было тысячи, а после работы их мучила жажда.

Вот так мы и жили, весело и дружно. У нас были хорошие спецы: слесаря, электрики, сварщики. Помню некоторых только по именам: Борис, Вова-попугайчик, Витя, Сергей Поспелов, Саша Ляпин, Коля Костюк, Саня Рабков. На нашем объекте находилась заброшенная

котельная, так вот наши слесаря быстро соорудили душевые, некоторое подобие санпропускника. Котел работал на солярке. По-моему, это была первая горячая вода в Чернобыле в то лето.

Рядом с нашей базой находился опустевший хлебозавод. Оставшийся там склад белой спецодежды сослужил нам хорошую службу. Мы имели возможность каждый день после душа менять белье. В то время это было очень необходимо: лето – жара, цемент – пыль, радиация.

Почти сразу после аварии в помощь химическим войскам были призваны запасники, так называемые "партизаны". В основном, это мужики лет до сорока и старше. Но к нам, как ни странно, попали двое парней, которые отслужили в Афганистане. Базировалась их часть около села Ораное, мы тоже туда съездили, старшина у них был хозяйственный, угощал нас арбузами. Парни были хорошие, показывали всякие трюки из карате, один был награжден орденом, другой – медалью. Мы, конечно, взяли над ними шефство, на «грязные» работы не отпускали, они иногда ночевали у нас в вагончике. Зачем же расходовать генофонд нации? Интересно, как сложилась их судьба, оправдали ли они наши надежды? Хотелось бы надеяться, что у них родилось много здоровых детишек.

«КОРМУШКА»

*Я в Чернобыле у «кормушки»,
Задержался кормить голубей,
Тех, что стали судьбы игрушкой,
В той игре: «Кто сильнее».*

*Я в Чернобыле возле школы
Увидал малышей-котят,
Взгляды котиков, как уколы:
Просят, ноют, а брать не хотят.*

*Я в Чернобыле у дороги,
Пса погладить хотел рукой:
Отвернулся, ушел убогий,
И не стал говорить со мной.*

*Я в Чернобыле местных видел,
И глазами спросили они:
Ну за что и кто нас обидел,
Кто принес эти страшные дни?*

*Я в чернобыле, как и прежде,
Только песен не смею петь,
Эти взгляды мне душу режут,
Больно людям в глаза смотреть.*

*Чем же я смогу их утешить,
Плакать с ними я не могу,
Остается нам только верить,
В нашу жизнь и судьбу свою.*

Чернобыль 1989 год Аркадий Угаров

Одна из самых больших столовых в Чернобыле была открыта в сентябре 1986 года по улице Кирова, в бывшем здании станции технического обслуживания (СТО) автомобилей, и проработала почти 10 лет. Народ ее окрестил "Кормушка", у меня даже стихи есть, написанные моим товарищем, с упоминанием о ней. Тут было три раздачи, и за день она могла накормить 17 тыс. человек. Как положено: у входа встречали дозиметристы и огромный зал, стояли длинные столы на 10 человек и лавки. Посуда была солдатская – алюминиевые тарелки и ложки. Кормили хорошо, продукты поставлялись только свежие, даже мясо не замораживали – сразу в обработку и на стол. Очереди были большие, но девочки работали быстро и все успевали поесть. Директором была В.Ф. Жорницкая, заведующий – Н.М. Мегий. Со слов одного из заместителей директора, В.Я. Герасюк, штат столовой состоял из 124-х человек, на подсобные работы брали "партизан". О девочках: да, это были молодые девчонки (средний возраст 23 года), которых направляли в Чернобыль в командировку со всех атомных станций и ОРСов Союза. Запомнились: Одесса, Львов, ровно, Смоленск, Курск, Ленинград, Новокузнецк, даже Узбекистан. Рабочий день длился 18 часов, и вахта у них была по месяцу. Жили они там же, на втором этаже. Девчонки так уставали, что падали – кто, где мог, и будил их второй зам игрой на баяне. Я знаю, что некоторые приезжали раза по три. Кто по долгу, а кто по зову сердца, и оставались на годы. Мужчин было большинство, было из кого выбирать. "Крутились романы», людей вращалось много, в основном, молодых. Любовь не отменит никакая радиация, никакая беда. Если браки свершаются на небесах, то начинались они в Чернобыле. Влюблялись: повариха и милиционер, дозиметрист и прачка, слесарь и заведующая общежитием – в общем, течение жизни ничем не остановить. Если в войну говорили: "война все спишет", то теперь просто никто не знал, что будет с каждым из нас в будущем. Молодые спешили жить и любить.

Одним из создателей столовой, названной в народе "Кормушка", был интереснейший человек – припятчанин Виталий Федорович Куринной, 1946 года рождения. На день аварии на ЧАЭС работавший председателем объединенного профсоюзного комитета УС ЧАЭС и внесший огромный вклад в дело ликвидации ее последствий. Привожу рассказ-исповедь, написанный им собственноручно.

Виталий Федорович Куринной, 1986 г.

«Ночью 26 апреля в четыре часа утра мне позвонил дежурный диспетчер УС ЧАЭС В. Атаманский и сказал, что на АЭС авария и мне срочно нужно явиться в штаб строительства. На этом связь прервалась. Первое, о чем я подумал, было предположение о возгорании (или взрыве) краски, поскольку организация «Чернобыльэнергозащита» осуществляла лакокрасочное покрытие одного из блоков ЧАЭС.

Быстро одевшись, я побежал по шпалам к штабу строительства (это более 3-х километров от города). Добежав до столовой, «Электроника», увидел движущиеся со стороны АЭС машины скорой помощи, бежали люди, которые сказали, что взорвался четвертый энергоблок АЭС. Я понял, что в штабе мне делать нечего, и вернулся домой. Еле дождавшись утра, теряясь в различных догадках (телефоны были отключены), в восемь часов я был уже возле

здания УС ЧАЭС. Там находился начальник управления В.Т. Кизима – Герой Социалистического Труда, депутат Верховного Совета Украины. Подходили его замы: В. Земсков, В. Андрищенко, начальник ОТТБ и РБ М. Зайцев, Ф. Шевцов – секретарь парткома УС ЧАЭС. Потом стали подходить начальники субподрядных организаций, начальники участков, цехов, бригады. Тогда мы с В.Т. Кизимой сели в его служебный УАЗ и поехали посмотреть своими глазами, что же произошло. Объезжая по периметру станцию, возле здания хранилища ядерных отходов со стороны 4-го энергоблока шел сильный пар, но мы все же увидели разрушенную стену реактора. Выругавшись вслух и, наверное, уже осознавая, хотя и не до конца, что произошло (этот человек очень грамотный, гениальный специалист, знает каждый строительный метр всех объектов станции). Кизима сказал, что из-за этой аварии сорвутся запланированные на 26-27 апреля работы по возведению шатра 5-го энергоблока, который должны были ввести в эксплуатацию в 1986 году.

У здания УС ЧАЭС инженер ГО А. Воскобойников (служба ОТ, ТБ и РБ) произвел замеры, которые показали большие дозы радиации. Была дана команда, срочно снять людей со строительных объектов площадки и запретить все работы.

Здание УС ЧАЭС закрыли и забили входную дверь. В это же время в г. Припятъ дети пошли в школу, шли занятия в профтехучилище, работали все объекты социальной сферы, юные спортсмены готовились к международным юношеским соревнованиям по велоспорту, которые должны были пройти в городе 27 апреля. Народ праздновал свадьбы. Короче, город жил своей обыденной жизнью.

Где-то около шестнадцати часов из реактора начало появляться голубое пламя. Сравнить это пламя можно было с большой газосварочной горелкой. К концу дня оно разгорелось очень сильно. Высота пламени, на мой взгляд, достигала сорока метров. Как потом говорили специалисты, что это горел графит, температура горения которого свыше 2000 градусов. Интерес детей к такому зрелищу был неописуем. Они целый день бегали к вертолетам, которые облетали станцию и садились на спортивном стадионе у въезда в город. Дети, да и многие взрослые, поднимались на крыши домов и лицезрели такое явление, не осознавая последствий. Этот пример я взял из рассказа моего сына, которому на момент аварии было около 9 лет. Сам поднялся и заставил детей спуститься со своего дома...

27 апреля в пять часов утра женщины с детьми, мужья которых работали на ЧАЭС, да и многие другие жители города перекрыли железнодорожные пути, остановили поезд Москва – Хмельницкий, который должен был проследовать железнодорожную станцию Янов уже без остановки, сели в вагоны и уехали.

Утром того же дня первые руководители организаций станции и города собрались у здания горисполкома. Люди в военной форме и гражданские лица тянули провода, устанавливали на крыше здания антенны. Как потом выяснилось, это была установка и подготовка к работе радио- и телеаппаратуры. Будучи депутатом горсовета, я поинтересовался у председателя совета В. Волошко, что же все-таки случилось? Тот махнул рукой и что-то невнятно ответил. Было понятно, что он в тот момент тоже не владел полной информацией.

В десять часов утра в зале Припятского дворца культуры нас собрал первый заместитель Председателя Совета Министров СССР Б. Щербина. Он рассказал о сложившейся на то время ситуации и обстановке на самой станции, о первых погибших. Вопрос об эвакуации жителей города решался в Москве. Но собрание было прервано, поскольку Бориса Евдокимовича пригласил к телефону Председатель Совета Министров СССР Н. Рыжков. Пока шел разговор между первыми руководителями страны (а это происходило в здании горисполкома), все кто был на совещании вышли на улицу. Поливочные машины мыли пенным раствором улицы города, а дети босиком бегали по этой пене, по лужам. Работали магазины, над городом и станцией кружили военные вертолеты, вокруг города по всем дорогам стояли сотни автобусов. Еще 26 апреля жителей города призывали не пускать детей на улицу, да и самим сове-

товали без необходимости не выходить. Где-то минут через сорок нас пригласили обратно в зал. На всю оставшуюся жизнь мне запомнились слова Щербины: «Я доложил Рыжкову о сложившейся обстановке на станции и в городе, рассказал, что город живет полной жизнью. Рыжков передает всем жителям г. Припять и коммунистам города наилучшие пожелания, поздравляет всех с праздником 1 Мая и просит коммунистов г. Припять сделать все возможное и невозможное для погашения огня в реакторе, так как зарубежные страны подняли шум в связи с резким повышением уровня радиации на их территориях. ЦК КПСС и правительство СССР приняло решение эвакуировать женщин и детей г. Припять. С собой взять необходимые документы и запас пищи на трое суток. Лица, имеющие свои автомобили, могут вывезти свои семьи к родственникам или знакомым».

После совещания я прибежал домой, но моя жена с детьми стояла с другими жителями дома уже на улице. Оказывается, пока мы были на совещании, люди в красных пагонах, милиция, вывели семьи на улицу. Я подошел к майору, показал удостоверение и сказал, что принято решение мужчин не эвакуировать, а лица, имеющие свои машины, могут увезти свои семьи сами. Поэтому пускай моя семья идет в дом. Я позже их увезу к родителям. В ответ услышал: «У меня своя задача, и я ее выполню». В дом их уже не пустили. В это время к дому подали автобусы. Мне удалось узнать, что их везут в Житомирскую область. Сказал жене, чтобы она с детьми с места эвакуации добиралась к моим родителям в с. Страхолесье Чернобыльского района. Эвакуация жителей началась в 13-15 и закончилась в 15-30.

Сразу же после эвакуации началась работа по ликвидации аварии. Вертолеты садились в г. Припять возле речного причала. Там было намыто много речного песка. Мы смогли собрать оставшихся наших работников. Всех нас было около шестидесяти человек. Вертолеты садились один за другим, а нам нужно было насыпать песок в мешки, грузить их в парашюты и цеплять к вертолетам. Затем пилоты поднимали вертолеты, несли груз к жерлу реактора и сбрасывали его туда. В связи с тем, что над реактором была беиеная радиация, вертолеты ниже 200 метров над реактором опускаться не могли, а поэтому и попадание груза в реактор в первые часы было минимальное. Защитой от пыли и радиации нам служили марлевые лепестки. Людей не хватало. Но, тем не менее, хочу назвать настоящих героев. Это бригада А. Трикиши, часть бригады В. Чернобровка... Вместе с ними работали и ребята из субподрядных организаций.

После первых пяти часов изнурительной, тяжелейшей работы, в 21-00 мы собрались в здании горисполкома на совещание, которое проводил Кизима. В связи с острой нехваткой работников было принято решение отправить оставшихся сильно уставших людей по селам, в основном, Полесского и Иванковського районов, куда были эвакуированы семьи, и просить мужчин явиться на работу.

В связи с тем, что главный диспетчер УС ЧАЭС находился на больничном, я лично попросил диспетчера А. Вариводу взять под контроль доставку мужчин и вести учет прибывающих на ликвидацию. 28 апреля из сел стали прибывать люди. Их было около 100 человек. Как я уже отметил выше, Правительственная комиссия разместилась в здании Припятского горисполкома и горкома партии. Там же были установлены и мониторы для наблюдения за попаданием песка в жерло реактора. От комиссии поступило сообщение, что глина дает хороший эффект. Срочно была организована площадка для копания глины возле с. Чистоголовка. Недоставало людей, недоставало мешков. Я поехал в воинскую часть, находившуюся рядом с г. Припять, чтобы просить командира части помочь людьми, но там уже никого не было. Их ночью эвакуировали.

Заехав на базу ОРСА с начальником автоколонны АТПО И. Кожедубом, я взял под расписку 5000 мешков, которых хватило на первые дни работы. В тот же день с командиром полка вертолетов Антошкиным (за ликвидацию аварии ему было присвоено звание Героя Советского Союза) на вертолете мы облетали Чернобыльский район и выбирали площадки

для погрузки песка под вертолеты. 29 апреля на погрузке песка, глины и других компонентов на площадках уже работало свыше трехсот человек.

В связи с большими радиационными полями (а возле здания горисполкома уже было около 500 мР/час), правительственная комиссия стала переезжать в г. Чернобыль. Наше подразделение также переехало в Чернобыль.

Штаб и комнаты для сна были оборудованы в здании ПТУ. Наш центральный аппарат и ОПК разместились в профтехучилище пгт Полесское. Там же, в Полесском, разместились в различных зданиях и наши субподрядные организации. Если 28 апреля мы покормили людей, работающих под вертолетами, сухим пайком, то 29 апреля остро встал вопрос: чем кормить людей, работающих в адских условиях под вертолетами?

Я забрал в г. Припятъ в ресторане «Полесье» оставшиеся 30 кг колбасы, около 10 кг твердого сыра, немного свежих огурцов и помидоров, в присутствии руководителя ОРСА (А. Швидченко), вскрыли продуктовый магазин, где взяли хлеб, 50 ящичков минеральной воды, консервов и 3 ящичка водки. Брал под расписку.

Все это было вручено начальнику Припятского ЮТЭМ В. Абрамову и главному инженеру АТПО А. Шаповалу. Они развезли продукты питания и, естественно, по 100 грамм на каждого человека, работающего под вертолетами. За 100 грамм потом меня почти 3 месяца допрашивали и чуть не отдали под суд с мотивировкой: как я, руководитель, коммунист посмел спаивать народ? А ведь такое решение выдать по 100 грамм, было принято коллегиально. И представьте мое состояние, когда эти люди отказались от своих слов. Да Бог с ними! Меня понял и не отдал под суд заместитель начальника ОБХСС Украины. 30 апреля люди, отработавшие три дня под вертолетами и получив приличные дозы облучения, были доставлены в различные больницы и институты г. Киева. Всем им были поставлены соответствующие диагнозы. Тогда все вроде бы было правильно, но затем оказалось, что практически никто не получил доз облучения, радиоактивных ожогов, кроме тех, кто умер сразу же после аварии.

Правительственная комиссия ставила перед организациями строительства всевозможные задачи, вытекающие из оперативной обстановки. Одной из таких было задание выполнить заградительную стену между третьим и четвертым энергоблоками. Первой начала выполнять это задание бригада Г. Павлова. Затем там прошло еще много других бригад строителей. Мне два раза пришлось побывать с представителями Москвы на месте возведения этой стены. Ребята! Вы – герои! Вы выполнили эту задачу!

Людей стало прибывать все больше и больше, но и работы с каждым часом добавлялось. На железнодорожную станцию Вильча стали сплошным потоком приходить грузы, которые нужно было срочно доставлять к месту назначения. Срочно создавались бригады.

30 апреля в Чернобыле мною был организован буфет. Были завезены различные консервы, сгущенное молоко, кофе, чай, сахар. И это в какой-то мере решило проблему кормления людей сухими пайками.

Сегодня, анализируя ситуацию тех первых дней почти тридцатилетней давности, я пришел к выводу, что подразделения гражданской обороны, которые были созданы на всех без исключения предприятиях (я входил в состав штаба ГО УС ЧАЭС), не были готовы к работе в такой ситуации. Не было надлежащих средств индивидуальной защиты, дозиметров, кроме ДП-5 (и то в малом количестве), тем более индивидуальных. Обучение персонала и тренировки проходили формально, не было передвижных пунктов питания, пунктов санобработки людей и техники. Это касалось не только нашего предприятия, но и, наверное, всей Украины и республик всего Союза. Срочно пришлось создавать службы дозконтроля, проводить обучение персонала и т.д.

Мне особенно запомнилась доставка бетона под разрушенную стену четвертого энергоблока. Первые машины бетона сопровождали руководители УС ЧАЭС, в том числе и я. Показывали водителям дорогу к месту выгрузки бетона. В большинстве случаев водители

честно исполняли свой долг, но среди них были и такие, которые везли этот бетон из Вышгорода и, не доезжая полтора-два километра до реактора, сливали его в лесу. Такими водителями занимались, естественно, компетентные органы, но нам пришлось ставить учетчиков для контроля. И это были женщины, осуществляющие контроль в высоких полях радиации. Женщины, простите нас!

Перед началом работы мастеру, прорабу (ответственному лицу) выдавали один прибор – дозиметр – на весь коллектив, в то время как даже в небольшом помещении в каждом углу были различные уровни радиации. Получать информацию о полученных персоналом дозах облучения практически было невозможно.

2 мая мы с В. Кизимой поехали на базу отдыха авиазавода им. Антонова «Зеленый Мыс». Посмотрев домики, подсобные постройки, мы решили переселить работников строительства из г. Чернобыль на эту базу. В то время там находился заведующий сектором ЦК КПСС тов. Марьин. Уже с первых дней аварии стоял вопрос о строительстве вахтового поселка для эксплуатационных кадров станции и строительно-монтажных организаций, служб и других структур, задействованных на ликвидации последствий аварии.

Тов. Марьин сказал: «Придумали же наши предки названия – Чернобыль, Страхолесье. А самое красивое название – Зеленый Мыс. Вот так и назовем будущий вахтовый поселок – Зеленый Мыс». И назвали.... Сразу же после этого визита переселили часть людей из г. Чернобыль на базу Зеленый Мыс, открыли магазин. Примерно дней через десять, благодаря начальнику ОРСа г. Вышгород (бывшему начальнику ОРСа г. Припять), очень порядочному, добросовестному, интеллигентному трудоголику Г. Киселю, была открыта и столовая.

Почти сразу же мы начали усиленно строить помывочный пункт. При входе на базу был установлен дозиметрический контроль. Персоналу практически каждые сутки – двое меняли спецодежду (ввиду ее загрязнения радиоактивными веществами). Мой рекорд был три раза за день.

В Чернобыле остро встал вопрос питания людей, занятых на ликвидации. В начале июня меня вызвал к себе первый секретарь Киевского

обкома партии Г. Ревенко, дал задание переоборудовать в г. Чернобыль станцию технического обслуживания под столовую на две с половиной тысячи посетителей за обед и установил срок ввода в эксплуатацию – 1 месяц. Строительные работы на этом объекте уже начались. Спустя два часа меня срочно вызывает к себе второй секретарь обкома партии В. Маломуж. Задание он мне оставил прежнее, но только срок ввода сократил на две недели. Я срочно поехал в г. Киев к В. Сологубу – председателю Укрсовпрофа, члену политбюро ЦК КПСС. Его я уже хорошо знал, (он приезжал в г. Чернобыль, знакомился с обстановкой, встретился с работниками АТПО и ЮТЭМ в с. Залесье. На месте В.Сологуба не оказалось. Меня приняла его первый заместитель С. Евтушенко. Выслушав, она сказала: «Конечно же, задание обкома партии нужно выполнить в срок». В качестве помощи распорядилась выделить 30 тысяч рублей для премирования людей, работающих на столовой. В Чернобыле я встретился с руководителями организаций, рассказал им о задании, о премировании. Руководители поделили деньги по вкладу каждой организации и впоследствии отчитались ведомостями с подписями премированных работников, а я отчитался перед Укрсовпрофом. В назначенный срок столовая была открыта. Она была снабжена линиями подогрева блюд. На открытии присутствовал В. Маломуж. Никаких собраний и речей не было. Пообедав, второй секретарь обкома партии поблагодарил меня за проделанную работу и сразу же дал новое задание – произвести ремонт столовой «Энергетик» и запустить в эксплуатацию в такой же срок – две недели. Когда мы с ним обедали, я заметил, что персонал столовой состоит из молоденьких

девочек – практически детей. Поинтересовался, откуда они и сколько им лет. Оказалось, что они были направлены одним из училищ Киевской области. Меня такая безответственность руководителей училища потрясла. В этот же день дети были отправлены обратно.

Для того чтобы не сорвать срок ввода в эксплуатацию столовой «Энергетик», через ГлавУРС со Смоленской АЭС был вызван начальник ОРСа В. Радохлебов (до аварии он также работал начальником ОРСа в г. Припять). Благодаря его усилиям, столовая «Энергетик» была введена в эксплуатацию в срок. Приблизительно через неделю меня вызвали на партбюро и объявили выговор. Суть его заключалась в том, что В. Радохлебов на Смоленской АЭС получил (за что, не знаю) судимость. В Чернобыле за выполнение задания по столовой ему были вручены грамота за подписью Б.Е. Щербини и благодарственное письмо Укрсовпрофа. Меня обвинили в том, что я пригласил уголовника. Потом я узнал, что благодаря грамоте и благодарственному письму судимость с этого человека была снята.

Как я уже выше отмечал, руководство УС ЧАЭС, объединенный профсоюзный комитет, аппараты других организаций разместились в основном в пгт Полесское. С первых дней аварии там кипела работа по поселению работников в общежития, созданию им мало-мальски приемлемых бытовых условий, открытию буфетов. Мотаясь то в Полесское, то в Чернобыль, то на базу отдыха Зеленый Мыс, то в Вышгород или Киев, я сильно уставал не так физически, как морально, но выдерживал.

Хочу с особой теплотой поблагодарить своих заместителей А. Савченко, Л. Николаенко, Л. Погуцу, А. Иценко, Л. Долю, главного бухгалтера ОПК Н. Безик, вспомнить добрым словом бухгалтера Е. Штокало.

Эти люди, не щадя своих сил и времени, отдавали все для того, чтобы оказать посильную помощь семьям потерпевших от аварии, хотя сами пребывали в таких же условиях, как и все.

Говорят, что нет незаменимых людей, но это неправда. Работники нашего профсоюзного комитета действительно были незаменимы. Я и мои товарищи по ОПК работали в 1986 году практически без выходных. Особую признательность хочу выразить всем председателям профсоюзных комитетов организаций В. Щербаню, И. Уманскому, О. Зеленцовой, С. Ваксу, В. Возному, З. Иващенко (Мария-Стефания), И. Подгорному и другим.

С большой признательностью вспоминаю руководителей организаций, больших профессионалов своего дела В. Кизиму, В. Земскова, А. Косенко, В. Акулова, В. Ковтуцко, В. Дейграфа, А. Соломко, А. Якубовича, А. Шаповала и его жену Нину Ивановну, И. Кожедуба, Г. Денисенко, В. Абрамова, А. Костырко, всех руководителей ОРСа, медицины. Они сделали все, что было в их силах, и даже больше. Выделяю отдельную работу и выражаю свою сердечную благодарность Светлане Сергеевне Евтушенко – первому заместителю председателя Укрсовпрофа, после прибытия, которой в г. Чернобыль сразу же был решен вопрос о вручении благодарственных писем ликвидаторам (и по 50 рублей под каждое письмо), заместителю председателя А. Ефименко, директору фонда соцстраха Украины М. Селихову

Уже 26 апреля в г. Припять прибыли руководители всех рангов из Москвы и Киева. Среди них профсоюзные деятели Н. Симочатов, С. Шишов, В. Кононенко, В. Водолазов В. Тимошенко.

Эти люди после эвакуации проводили встречи с нашими работниками в местах их проживания, слушали про их беды (а их было десятки тысяч), принимали решения и уже с первых дней аварии начали отдавать под жилье эвакуированным семьям санатории, дома отдыха, выделяли все путевки на оздоровление бесплатно, денежную помощь.

Хочу отметить работу В. Кононенко, который побывал практически во всех эвакуированных селах, а затем и в местах их переселения, и ни один вопрос обратившихся не оставил без внимания. Мы часто встречались с ним во многих селах, наши пути соприкасались и пересекались. Вопросы быта, социальные вопросы держали лично на контроле председа-

тель Укрсовпрофа В. Сологуб и председатель облсовпрофа, наш «папа», как мы его называли, с виду очень строгий, но очень справедливый и добрый М.И. Шевель. Неоценимую помощь в повседневной работе мне оказывали мои коллеги, в то время уполномоченные облсовпрофа В. Струк и В. Махно. Самые теплые воспоминания в моей памяти оставил первый заместитель Киевского облсовета народных депутатов Н. Степаненко, с ним приходилось встречаться в местах дислокации людей, а также на совещаниях, которые он проводил. Этот седовласый человек практически не оставлял нерешенным ни одного вопроса, с которым человек к нему обратился.

Хочу остановиться на одном случае. На станции Вильча на разгрузке железнодорожных составов, которые шли сплошным потоком со всех концов СССР, доставляли необходимые для ликвидации грузы, стройматериалы и т.д., работали люди из нашего предприятия. Приехав туда, я увидел жуткую картину: рабочие в грязной, рваной спецодежде, в вагонах железнодорожного состава, где они жили, смрад от пота и грязной одежды, простыни и наволочки грязнее портянок, питьевая вода практически отсутствовала. Питались они за деньги в столовой пгт Полесское. На мой вопрос, часто ли к ним приезжал руководитель и видел ли он условия, в которых они живут, ответ был прост: «Приезжает, но из автомашины не выходит, говорит через окно с опущенным стеклом». Приехав в г. Чернобыль, я срочно собрал президиум, и мы освободили этого руководителя от занимаемой должности (фамилию не называю, он уже ныне покойный).

На следующий день всем работникам, занятым на разгрузке вагонов, была заменена спецодежда, выдано новое постельное белье, обеспечен питьевой режим.

После этого случая по моей просьбе службой радиационной безопасности было произведено тщательное обследование территории станции Вильча. Как показали замеры (составили 5 актов), территория была заражена.

После этого я собрал заседание объединенного профсоюзного комитета, где было вынесено решение: «Учитывая сложную радиационную обстановку, создавшуюся на станции Вильча, обязать администрацию УС ЧАЭС (руководитель А. Косенок) обеспечить персонал, занятый на выгрузке грузов, трехразовым бесплатным питанием». Был издан приказ, и люди стали питаться бесплатно, согласно нормам питания в г. Чернобыле.

Приблизительно через месяц ко мне в кабинет ОПК зашел человек, который представился заместителем Генпрокурора СССР. Он кричал на меня, как на мальчишку. И все спрашивал, как я посмел вынести решение о бесплатном питании, идущее вопреки постановлению ЦК КПСС и Совмина СССР. Согласно их бумагам, там все было чисто. За это он отдает меня под суд. Я сказал ему что под суд тогда нужно отдавать всех членов ОПК (32 человека), поскольку постановление наше было единогласным. Показал ему акты замеров. Он вызвал А. Косенка и приказал ему срочно отменить приказ без согласия на то ОПК. Пообещав и его отдать под суд, громыхнув дверью, ушел. Конечно, наше состояние, которое было после этого разговора, может понять лишь тот человек, который пережил подобное.

Но, видимо, Господь был на нашей стороне, и все для работников станции Вильча и нас обошлось благополучно. Со временем жители станции Вильча были тоже эвакуированы.

Следует отметить, что ко мне практически каждый день обращались люди по различным вопросам. Бывали дни, когда на официальный прием приходило до двухсот человек. В основном это были вопросы получения жилья, множество вопросов, связанных с детьми, вопросы соцкультбыта и др. После таких приемов не хотелось даже жить. На людей свалилось столько горя и бед!

24 октября 1986 г. на заседании Припятского горкома партии, уже в вахтовом поселке Зеленый Мыс, мне объявили выговор с занесением в учетную карточку. «За низкую требовательность к хозяйственным руководителям, занятым на строительстве вахтового поселка

Зеленый Мыс, допущенные нарушения при распределении и заселении жилья в г. Киеве и г. Чернигове, при этом так же низкую требовательность к хозяйственным руководителям, слабую антиалкогольную пропаганду, а также личную недисциплинированность».

При выделении жилья действительно были нарушения (в списки на получение жилья были включены несколько лиц, не имеющих никакого отношения к организациям УС ЧАЭС). За это некоторые хозяйственники понесли серьезные наказания. Фамилии их не называю (они уже ныне покойные), но письмо с информацией об этом храню до сих пор.

Так вот, если моя душа с пунктом о выделении и заселении жилья еще как-то согласна (хотя вопросами выделения и заселения жилья занималась компетентная комиссия), то все остальное она полностью отвергает.

Итак, отработав 1986 год без единого выходного, я дважды отдавался под суд, получил три выговора по партийной линии (из них два без занесения и один с занесением в учетную карточку). Перенес обыск в доме моих родителей и моей бабушки, проведенный по указанию горкома партии работниками милиции при участии пожарных (сказали, что вроде бы я вывез из своей припятской квартиры мебель, хотя она до сих пор находится там). К тому же получил Почетную грамоту ВЦСПС СССР, грамоту от Правительственной комиссии за подписью Б.Е. Щербины, грамоту от руководства среднего машиностроения СССР, благодарственное письмо Укрсовпрофа, медаль «Профсоюзное отличие», медали за участие в ликвидации последствий аварии. Получил справку о дозе облучения 53,6 Бэр. 6 декабря 1986 года, согласно заключению МСЧ № 126, выведен из 30-километровой зоны ЧАЭС.

После этого долго лечился, перенес четыре хирургические операции и в 1992 году получил вторую группу инвалида-чернобыльца. Естественно, после лечения я еще работал на разных должностях до мая 2007 года, но это другая история. Во многих книгах о Чернобыле вы можете прочитать несколько строк о моем скромном вкладе в ликвидацию последствий аварии. Самым дорогим подарком для меня, запомнившимся на всю жизнь, стал приезд на мой 50-летний юбилей представителей Укрсовпрофа, представителей атомных станций и электротехнической промышленности Украины во главе с председателем ЦК атомной энергетики А. Юркиным. Поздравления, тосты ... Я стоял за столом и думал, что живу на этой земле не зря. Слезы радости катились из глаз по щекам.

Написав свою исповедь, я не смог охватить даже 1/5 части производственной и социальной деятельности подразделений УС ЧАЭС, а ведь персонал этих подразделений готовил, в основном, всю почву для воинских подразделений средмаши, шахтеров и других организаций, участвующих в ликвидации.

Я не смог назвать фамилии очень многих ликвидаторов-героев. А многих из названных уже нет на этом свете. Простите меня.

Получилось в жизни так, что работники, принявшие первыми удар ядерной стихии на себя, как бы выпали из истории ликвидации аварии. А почему? Да потому, что они получили дозы облучения, болеют, огромная часть уже покоится в ином мире, а постоять за живых некому. Все союзные законы о льготах для ликвидаторов готовили чиновники, приезжавшие на ЧАЭС в на 1 день, 15 дней, месяц. Зарплаты у них были приличные. Согласно этому Закону, зарплата им за посещение зоны на 1 день начислялась в 5-кратном размере, умножалась на дни месяца, а затем на 12 месяцев и, естественно, размер пенсии у таких ликвидаторов заикаливает.

То же самое касается однодневных инвалидов-чернобыльцев. Они уже получают по 6, 8, а то и 10 минимальных пенсий. Смешно? Человек, побывавший в зоне 1 день и получивший инвалидность, приравнивается к инвалиду, отработавшему на ликвидации 1, 2, 3, 4, 5 и более

лет. Мы, ликвидаторы, инвалиды-чернобыльцы, государству не нужны и являемся для него обузой.

Настоящих ликвидаторов и инвалидов Чернобыля осталось уже не так и много, да и размер пенсии не отвечает их заслугам. Законы не выполняются, а лже-ликвидаторы и лже-инвалиды (а их, на мой взгляд, 1/3 от всех, а может и больше), уже практически получили все и молчат. Созданы различные Союзы Чернобыля, на бумаге делается, огромная работа, а для ликвидаторов, инвалидов на деле – пуст

Скоро 30-я годовщина аварии на ЧАЭС. Хочу выразить искреннее соболезнование всем семьям чернобыльцев, потерявших своих родных и близких, а всем живым желаю здоровья, благополучия, успехов в их делах и свершениях, счастья и все-таки веры, что мы дождемся настоящей помощи от государства Украина. Простите меня ...

С низким поклоном – Виталий Куринной».

В Чернобыле была еще одна столовая, открытая в здании детского сада "Сказка", так это название у столовой и осталось. Первый этаж занимала столовая, а вот на втором было непонятно что: общежитие или гостиница. В больших помещениях стояли солдатские кровати, уже застеленные бельем и покрывалами. Пришлось и мне там побывать, пока определялся с жильем. Спросил ребят: "Где можно лечь?" – "Ложись, где свободно», – получил ответ.

Примерно в конце лета у нас на участке появилась еще одна примечательная личность. Правда, пришел он к нам из "мест не столь отдаленных" – была там семейная история. Но вот его желание работать было искренне. Звали его Владимир Николаевич (это он себя так из "скромности" назвал). Ему тогда было всего 27 лет, но у него уже была семья, сын и куча приключений. Правда, первый брак оказался неудачным. Он мне рассказывал: "Представляешь, я там терпел все невзгоды, не сделал ни одной наколки, мечтал только об одном, вернусь в свой родной город Припять. Ведь я родился здесь, вырос, играл в ансамбле на гитаре, я знаю всех, меня знают все, вот что такое РОДИНА. Когда узнал об аварии, понял, что возвращаться мне некуда, но решил: я должен быть там". Владимир оказался душой компании, я и сейчас помню в его исполнении модную тогда песню Барыкина "Я буду долго гнать велосипед...". Работал он на всех объектах, учился быстро. Проработал на бетонных заводах по 1993 год, снова женился и ушел в свободное плавание в бизнес, в те тяжелые девяностые. Только недавно я его выловил в сети Интернет.

Позже, работая уже в ГСП «Чернобыльский спецкомбинат», я встретился с еще одним товарищем, причастным к первому этапу работ по ЛПА на ЧАЭС, Анатолием Панасовичем Дьячковым. Он приехал в город Припять в 1981 году и начал работать в Научно-исследовательском институте «Гидропроект». При этом институте был атомный сектор, который занимался строительством атомных станций, в группе рабочего проектирования (ГРП) и работал Анатолий. В 1984 году переехали в новое здание, недалеко от управления строительства, в инженерно-лабораторный корпус. Коллектив состоял из 120 человек.

26 апреля 1986 года, во время аварии, Анатолий был дома со своей семьей (ул. Леси Украинки, дом 1). Это прямо на въезде в город, возле «круга» – место, откуда отправлялись все автобусы на ЧАЭС. Жена, которая была «в интересном положении», утром ушла на работу в детский садик. Вскоре вернулась и сообщила об аварии на станции. Анатолий пошел на улицу, не было обычного городского ритма, хотя день был выходной. Позже встретил знакомого, который рассказал, что четвертый блок взорвался, вечером принесли йодистые препараты. Ночью не спалось, из окна было все видно, что происходило на ЧАЭС. Ночью, 27 апреля, здесь же, у города, на футбольном поле стали садиться вертолеты. Сильный шум, движение техники, до утра не уснул.

В обед сообщили об эвакуации. В 12 часов дня вышли на улицу, прямая видимость до блока – полтора-два километра, уехали только в 16 часов, с маленькой дочкой на руках. Вывезли в село Кухари Иванковского района, разместили в доме председателя сельского совета. Утром сказали, что есть указание всех задействовать в посевной. Ввиду того, что у них был маленький ребенок, а жена беременна, их отпустили. Добрались до железнодорожной станции Тетерев и уехали в Киев, там провели дозконтроль, одежда была грязной (тогда еще не проводили замены одежды). Документы и деньги были с собой. Поехали на Крещатик в магазин, переодели жену и ребенка, себе он купил только рубашку. 29 апреля поехали дальше, к его родителям в город Брянск. 5 мая жена пошла в поликлинику, срок беременности был семь месяцев. Заставили рожать, мальчик сопротивлялся, все это длилось целую неделю. После 10 мая забрал жену из больницы. Все свалилось одновременно, авария – не стало дома, жена в таком подавленном состоянии.

По радио узнал, что в Полесском собирают все организации Припяти. 19 мая Анатолий Панасович был уже на работе, в составе своей организации ГРП, в гостинице по ул. Полупанова в Чернобыле. Здесь был их первый офис. Приехал начальник Виноградов. Собралось вначале десять-пятнадцать человек. Начали работать над проектом. Первая планерка на ЧАЭС в бомбоубежище. Возле АБК 1 – грязь, суматоха, скопление техники: АРСы (бочки с водой и шлангами для полива), бронетранспортеры дозразведки, танки, тягачи, ИМРы... Руководил Штейнберг – бывший главный инженер ЧАЭС, здесь же были члены правительственной комиссии. Первые проекты – разделение третьего и четвертого блоков. Вентиляция, теплоснабжение и другие важные коммуникации. Чертежей не хватало, забирали из своего здания, что-то привезли из Москвы. В такой экстремальной обстановке у Анатолия вдруг обострилась память: вспомнил номера чертежей, ГОСТы, даже то, что когда-то видел мельком. Блоки надо было разделить по сороковой оси.

Жили и работали в той же гостинице. Первый этаж – рабочий, второй – спальный. Правительственная комиссия выдает распоряжение, тут же чертежи, расчеты – и в работу. Спать приходилось очень мало, никто со временем не считался. Сотрудничали со всеми строительными организациями: УС ЧАЭС, ЮТЭМ, САЭМ... Работали по вахте 20 дней.

На следующей вахте, в июне, на станции был уже относительный порядок, каждый знал, что делать. Прислали нового директора ЧАЭС –

Э. Поздышева.

Помогали в строительстве «саркофага», строила его военная организация УС 605. Занимались бурением вокруг станции – ставили иглофильтры, проводили геологические изыскания. Проектировали могильники для захоронений радиоактивного мусора, вывозимого со станции. Спроектировали и построили четыре пункта санитарной обработки (ПуСО): «Лелев», «Черевач», «Рудня-Вересня», «Парышев». Разрабатывали технологии оборотного водоснабжения, утилизации грязной воды.

После 1991 года институт разделился на гидро- и атомпроекты. В 1996 году дезактивировали здание инженерно-лабораторного корпуса, и они вернулись в свои «пенаты». Перешел в энерго-производственный комплекс в составе «Чернобыльсервиса». Начальник диспетчерской службы, занимается теплотехническими коммуникациями Чернобыля. В настоящее время работает там же, теперь уже в ГСП «Чернобыльский спецкомбинат».

«УКРЫТИЕ» – главный объект

Строительство объекта «Укрытие» было начато после того, как в середине мая 1986 года Государственная комиссия приняла решение по долговременной консервации четвертого блока ЧАЭС с целью предотвращения выхода радионуклидов в окружающую среду и уменьшения влияния проникающей радиации на промышленной площадке ЧАЭС (постановление ЦК

КПСС и СМ СССР от 29 мая 1986 года № 634-188, в котором защитная оболочка получила название «Укрытие реактора № 4 Чернобыльской АЭС»).

Учитывая чрезвычайно большую ответственность, которая возлагалась на это сооружение, проектировщиками было рассмотрено восемнадцать (!) вариантов проекта объекта «Укрытие». Окончательный вариант проекта был разработан к 20 августа 1986 года. Главным проектировщиком защитного сооружения был Всероссийский проектный и научно-исследовательский институт комплексной энергетической технологии (ВПНИИКЭТ, г. Санкт-Петербург).

Автором и техническим руководителем проекта объекта «Укрытие» был **Владимир Александрович Курнос** (1926-1998), в то время главный инженер ВНИПИЭТа, и, с точки зрения всех специалистов, лучшего руководителя проекта тогда невозможно было представить. Более 40 лет проработал Владимир Александрович в атомной промышленности. Доктор технических наук, руководитель проекта работ при ликвидации аварий 1957 и 1963 годов в Челябинске-65. Имея колоссальный опыт проектирования, обладая незаурядной инженерной стратегией, В. А. Курнос реально представлял всю сложность порученной работы по консервации 4-го энергоблока ЧАЭС.

Им были обозначены главные проблемы: как подступиться к работам в полях радиационного излучения, где исключено присутствие человека. Как, не имея доступа к абсолютно разрушенным конструкциям блока, создать из них локальные опоры будущих несущих элементов перекрытия. Как создать сооружение, исключающее выброс радиоактивных аэрозолей и не допускающее попадание атмосферных осадков внутрь изолируемых помещений. Как отсечь аварийный блок, чтобы дать возможность функционировать 1-му, 2-му и 3-му блокам, из каких элементов и какими грузоподъемными механизмами можно выполнить монтаж конструкций. Все перечисленные проблемы не имели мировых аналогов, однако их удалось решить коллективу проектировщиков, возглавляемому В. А. Курносовым, в рекордно короткие сроки, на удивление западным специалистам.

При непосредственном участии В. А. Курносова было проведено обследование аварийного блока, именно тех мест и конструкций с высоким уровнем радиоактивного излучения, которые являлись ключевыми. Проявляя личный героизм и мужество, В. А. Курнос обследовал разрушенный реактор в «Батискафе», подвешенном на крюк подъемного крана.

Именно В. А. Курносовым разработана уникальная методика локального усиления разрушенных конструкций для создания на их базе опор несущих элементов перекрытия. Разработаны элементы и блоки конструкций, не требующих применения электросварки, и держатся они за счет собственного веса после дистанционной укладки их на место монтажа. Разработаны усилия разрушенных стен реактора с помощью специальных металлических конструкций.

Конструктивный блок перекрытия реакторного зала изготовлен из труб большого диаметра взамен традиционных ферм, и монтаж этих конструкций выполнен дистанционно, без присутствия человека. Эти решения являются гордостью современной инженерии. Благодаря личному участию В. А. Курносова в принятии проектных решений, постоянной координации деятельности всех организаций, участвующих в процессе строительства, стало возможным создание уникального сооружения, каким является объект «Укрытие». В мае 1990 года в зоне станции произошло землетрясение силой 3,5-4 балла, но никаких обрушений или трещин в основных несущих конструкциях «Укрытия» не было.

объект «УКРЫТИЕ»

С конца 1992 года за состоянием «Укрытия» наблюдают ученые и инженеры Киевского научно-исследовательского института строительных конструкций (НИИСК). Эта организация имеет Государственную лицензию на выдачу экспертных заключений по состоянию «Укрытия». Их мнение: объект может прослужить и тридцать, и пятьдесят лет. Реальность воплощенных идей автора проекта объекта «Укрытие» высоко оценила сама жизнь. Участники ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы на 4-м блоке единодушно считают, что именно В. А. Курносков представляет собой человека, чьи инженерные решения и идеи дали возможность ликвидировать крупнейшую техногенную аварию конца XX века в рекордно короткие сроки.

В дальнейшем В. А. Курносков, как директор ВНИПИЭТа, принял активное участие в восстановлении разрушенного землетрясением Кировакана, ликвидации аварии в Арзамасе. Это просто критические строчки, а сколько рядовых – не пересчитать.

Вот такой потрясающий специалист возглавлял проектную группу при возведении «Укрытия». Осталось только добавить, что Владимир Александрович родом из г. Тамбова. В 1953 году, после нескольких лет учебы и работы прорабом и начальником участка треста «Лензолото», окончил Ленинградский инженерно-строительный институт. В 1953 году был принят на работу в ВНИПИЭТ, где прошел путь от инженера до генерального директора.

Его заслуги высоко оценены Правительством. В 1982 он году награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1986 году – орденом Октябрьской Революции, а в 1996 году ему присвоено звание «Заслуженный строитель РФ». В. А. Курносков – член двух Международных академий, лауреат Государственной премии. Его не стало 8 декабря 1998 года. Из 54 лет трудового пути 46 лет Владимир Александрович Курносков отдал Минсредмашу.

Шахтеры на ЧАЭС в 1986 году

Из заметки Председателя Тульской областной общественной организации «Союз Чернобыль» – Владимира Наумова, я узнал, какую роль сыграли в ЛПА на ЧАЭС мои земляки.

Одним из проектов по ЛПА на ЧАЭС стал проект укрепления фундаментной плиты, методом подкопа под реактор с монтажом системы охлаждения фундаментной плиты жидким азотом. На основе гипотезы о том, что активная зона реактора, расплавившись и достигнув температуры в десятки тысяч градусов, прожжет бетонные перекрытия, фундаментную плиту и уйдет глубоко в недра земли, загрязняя грунтовые и артезианские воды. Правительственная комиссия приняла решение: начать работы по укреплению фундаментной плиты и монтажа системы охлаждения.

5 мая 1986 года работники «Киевметростроя» приступили к рытью котлована. Были командированы шахтеры Донецка и «Подмосковного угольного бассейна» выполнили проходку под фундаментную плиту, провели ее укрепление, а монтажники Токтогульской ГЭС провели бетонные работы и установили систему охлаждения фундаментной плиты.

Задание было выполнено. Тысячи людей были переоблучены, но уже 05.05.1986г. было известно не эксплуатации, а членам правительственной комиссии, что температура активной зоны начала снижаться.

Бессмысленная затея, обошедшаяся очень тяжелыми потерями. И все – таки этот проект начали воплощать в жизнь. Главную роль в проекте охлаждения реактора сыграли шахтеры Тульской области, которые вошли в состав отряда Московского угольного бассейна. Они работали непосредственно под аварийным блоком ЧАЭС, отгружая породу из штолен под реактором. Отряд „Мосбасс“ целиком состоял из шахтеров-туляков, добровольно отправившихся устранять последствия аварии. Московский, так называемый, «отряд смертников», был создан на базе шахтеров из Ивановской и Тульской областей. Лично я был в отряде „Мосбасс“. То, что я там видел, я не увижу больше, по всей видимости, никогда. „Как закалялась сталь“ – цветочки по сравнению с тем, как там работали шахтеры. Каждая смена грузила по 90 вагонеток, а смена длилась всего каких-то 3 часа. Был абсолютный рекорд, который принадлежит горному мастеру Анатолию Камаеву из Алексина. Он погрузил 96 вагонеток. Это невероятно, как может мобилизовать свои ресурсы человек в критических ситуациях. На каждую вагонетку уходило по 3 минуты. Представьте себе сам процесс: сначала полтонны грузятся в вагонетку, потом она перевозится вперед на 150 метров, выгружается, столько же идет обратно. Шахтеры работали нон-стоп. Я был механиком, помню, меня вызвали, когда случились проблемы с электроснабжением. Свет мы чинили минут 20, всё это время шахтеры продолжали трудиться в темноте».

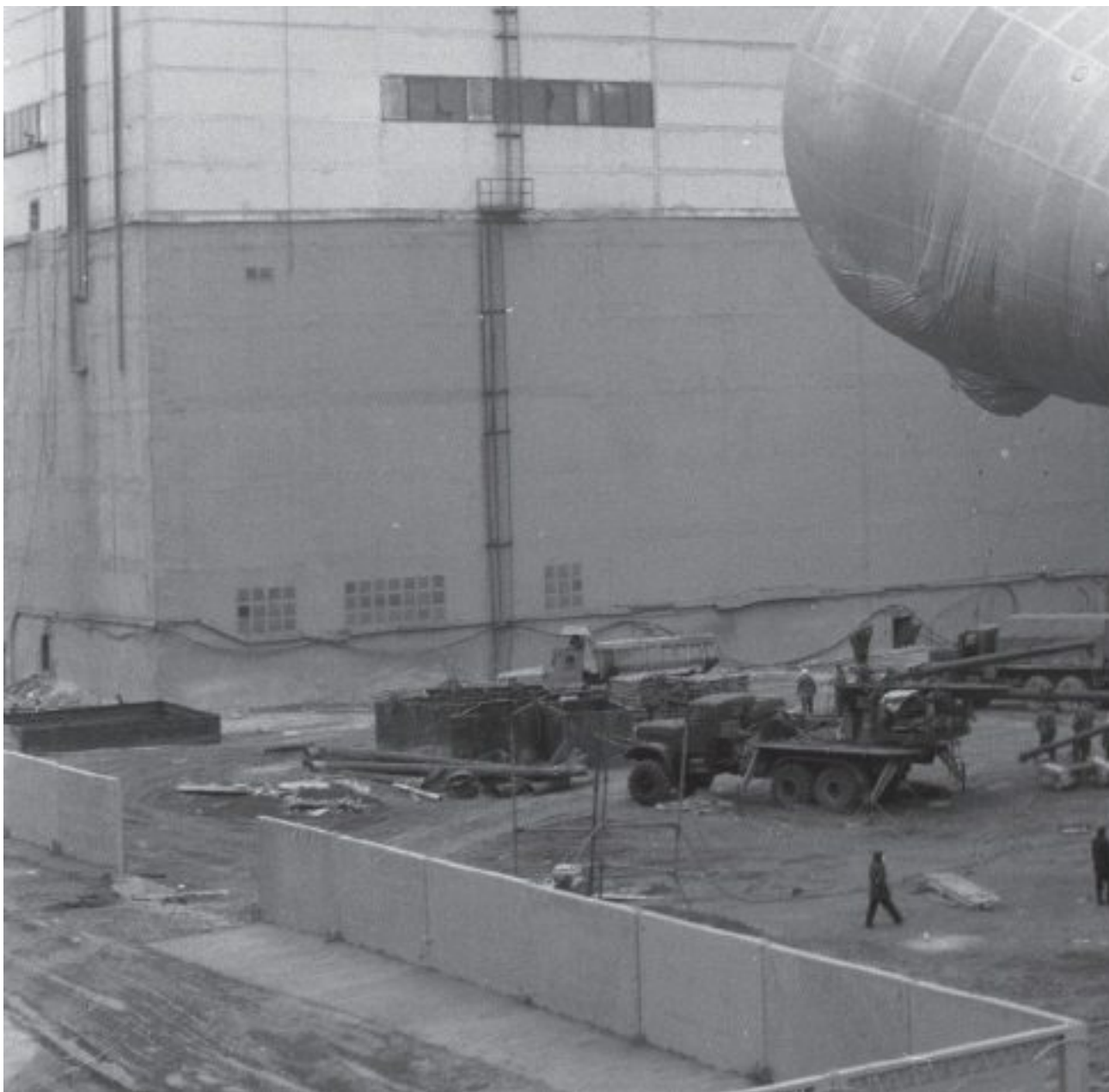
В ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС участвовали около 2500 жителей Тульской области. Из них к 2015 году ушли из жизни примерно 700 человек.

В 2012 году в помещении Тульской региональной организации «Союз Чернобыль» создан музей чернобыльской славы, в котором размещены артефакты, связанные с тульскими ликвидаторами.

Аэростат

Во время работ на строительстве «Саркофага» возникало множество проблем технического характера. Одна из них – освещение строй площадки, работы велись круглосуточно. Много вопросов возникало по поводу использования аэростата на ЧАЭС. Как он работал и

куда делся после окончания строительства «Саркофага». Об этом рассказали сами ликвидаторы:

«Работали, и днем, и ночью, строя саркофаг. Вот таким вот образом решили проблему освещения стройплощадки! Аэростат ДКБА. Работы по возведению саркофага велись даже в ночное время. На строительстве были использованы краны Detag. Управлять ими приходилось с безопасного расстояния. Для управления кранами на них была установлена телеаппаратура. Но с наступлением вечера камеры «слепли». Требовалось освещение строительной площадки ОУ. Но тут возникла проблема: а куда установить осветительную аппаратуру? Ближайшие от реактора здания были высотой до 40 метров, а сам реактор возвышался на 70 метров. Соответственно освещать стройплощадку с ближайших зданий не представлялось возможным. Но решение было найдено довольно быстро. Было решено использовать авиацию. Самолёты и вертолёты для этой цели не подходили, т.к. их время пребывания над объектом было ограничено. Зато привязной аэростат для этой цели подходили по всем параметрам: время нахождения аэростата на заданной высоте было почти не ограничено, радиация никак не влияла на аэростат. За выполнение поставленной задачи взялись специалисты Вольского воздухоплавательного испытательного центра ВВС и специалисты ДКБА (Долгопруд-

ненское конструкторское бюро автоматики). Работа им предстояла трудная т.к. никто до этого ничего подобного не делал. Привязной аэростат был установлен у южной стены энергоблока. На нём была установлена осветительная «люстра» мощностью ~40 кВт. Дальнейшая судьба аэростата – захоронение. Аэростат, освещавший жерло чернобыльского саркофага, вмещал более двух тысяч кубометров гелия. Когда часть газа улетучивалась, «сигару» подтягивали к земле на дозправку. Как бы то ни было, а 22 октября со второй попытки аэростат подняли в небо. Монтажники тут же прозвали небесный светильник «люстрой». И часто зазвучали здесь команды-просьбы: «Малый поворот направо! А теперь придержи, тень откуда-то взялась» (это крановщику). И тут же по динамику в соседний бункер: «Мужики, дайте «люстру» чуть влево. Темно там, братцы!». Новиков прибыл на ЧАЭС в составе второй группы, на смену коллегам, которые уже хватанули изрядную долю радиации. По ходу эксплуатации аэростата случалось всякое. То светильник при подъёме о стенку грохнет, то нити троса изорвутся, то оболочка аэростата прохудится, а шлёпать на его радиоактивный бок заплатку приходилось там, где по правилам положено было «передвигаться только бегом» ... Когда работы на саркофаге подошли к концу, из китового тела аэростата выпустили летучий гелий, а оболочку захоронили».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.